

В.С.БРАЧЕВ

РУССКИЙ ИСТОРИК
А.Е.ПРЕСНЯКОВ
(1870-1929)

Санкт-Петербурга
2002

В.С.БРАЧЕВ

**РУССКИЙ ИСТОРИК
А.Е.ПРЕСНЯКОВ
(1870-1929)**

**Санкт-Петербург
2002**

В.С. Брачев. Русский историк А.Е. Пресняков (1870-1929). – С.-Петербург.:
Издательство “Стомма”, 2002. – 84 с.

Из всех русских дореволюционных историков творчество А.Е. Преснякова вызывает в последние годы, пожалуй, наибольшие споры. Уж слишком отзывчив и податлив оказался профессор на новые историографические реалии 1920-гг. Однако, преувеличивать степень влияния марксизма на А.Е. Преснякова - историка, приходит к выводу автор предлагаемой вниманию читателя работы проф. В.С. Брачев, не стоит, и сложившийся вокруг его творчества усилиями целого ряда поколений советских историков историографический миф не находит должного подтверждения в источниках и требует пересмотра.

ISBN 5-89329-646-6

© Брачев В.С., 2002
© Издательство “Стомма”, 2002

Издательство “Стомма”, СПб. Поэтический бульвар, д.1.
ИД № 04372 от 26.05.2001 г.

Подписано в печать 25.12.2001 г. Бумага офсетная.
Формат 60×84¹/₁₆. Объем 5,5 п. л. Тираж 500 экз. Зак. 177.
Тип. ЛГТП, С.-Петербург, ул. Старорусская, 1.

Предисловие

Среди известных русских историков XX века Александр Евгеньевич Пресняков — одна из наиболее заметных и значимых фигур. Выдающийся археолог и источниковед, убеждённый сторонник “научного реализма”, он, в то же время, не избегал и широких научных обобщений и известен как автор одной из интереснейших концепций общественно-политического развития Древней Руси. Поразительна и широта научных интересов учёного: от первых шагов Киевского государства до революционных потрясений 1917 года и гражданской войны в России. Полный список всех опубликованных книг и статей А.Е.Преснякова насчитывает до 200 названий¹. Ряд трудов учёного — “Княжое право в Древней Руси”, “Образование Великоорусского государства” и “Лекции по русской истории” — уже давно и справедливо отнесены к разряду классических.

“Точное знание, теоретически сильный ум и литературная способность”², — так охарактеризовал в своё время (1909 г.) своего ученика С.Ф.Платонов. Способности у А.Е.Преснякова действительно были выдающимися: одних только иностранных языков он знал не менее семи: древнегреческий, латынь, английский, немецкий, французский, шведский и польский³. Поразительна и способность А.Е.Преснякова к отзывчивому восприятию всего нового, передового, как в области науки, так и в общественной жизни.

Благодаря этой отзывчивости или, быть может, говоря современным языком, толерантности, А.Е.Пресняков был одним из первых буржуазных историков, проявивших после 1917 года интерес не только к сотрудничеству с историками-марксистами, но и к марксизму как к науке. С этим связаны бесконечные дифирамбы советских историков в его адрес, как крупнейшего представителя буржуазной исторической науки, учёного “острой критической мысли”, сделавшего под конец жизни серьёзную попытку пересмотра собственных теоретических позиций в направлении,

---

¹ Архив СПб. ф. ИРИ РАН. Ф.193 (А.Е.Пресняков). Оп.1. Д.162. См. также опубликованный в 1971 году С.В.Чирковым “Список трудов А.Е.Преснякова” // Археографический Ежегодник за 1970 год. М., 1971. С.323-331.

² Платонов С.Ф. (рец.) А.Е.Пресняков. “Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. СПб., 1909” // ЖМНП. 1909, №7 (июль). С.214.

³ Чирков С.В. Обзор архивного фонда А.Е.Преснякова // Археографический Ежегодник (АЕ) за 1970 год. М., 1971. С.312.

указанном марксистско-ленинской исторической наукой — так охарактеризовал в 1941 году А.Е.Преснякова-историка тогдашний советский историограф Н.Л.Рубинштейн⁴. Ещё более определённо высказывался в этом отношении С.Н.Валк. После 1917 года, утверждал он, А.Е.Пресняков “всё твёрже становился на почву марксизма-ленинизма”⁵. В этом же ключе высказывались и последующие поколения советских историографов (Л.В.Черепнин⁶, А.Л.Шапиرو⁷, М.Б.Свердлов⁸, С.В.Чирков⁹).

Однако основательного анализа эволюции исторических взглядов А.Е.Преснякова, роли и места учёного в борьбе направлений на историческом фронте 1920-х годов, предпринято за последовавшие после его смерти годы так и не было. Незученными остаются и перипетии сложных и не всегда однозначных отношений А.Е.Преснякова с главой петербургской школы русских историков, “дорогим учителем”, как он его называл¹⁰, С.Ф.Платоновым, с именем которого обычно и ассоциируется противостояние буржуазной профессуры 1920-х годов наступлению марксизма на “историческом фронте”. До сих пор неопубликованными остаются ещё многие рукописи учёного: “Образование всероссийского государства (Борьба за господство над Восточноевропейской равниной)” — один из вариантов его докторской диссертации, над которым он работал в 1913-1915 гг., “Очерки по истории Московского государства” — ранний незавершённый вариант опубликованного в 1918 году исследования “Московское царство”, а также подготовительные материалы к книге “Русское средневековье”, договор на издание которой был подписан А.Е.Пресняковым в декабре 1917 года с издательством “Огни”. Обращает на себя внимание и рукопись А.Е.Преснякова “Трёхсотлетие царствующего дома” — популярный очерк истории самодержавной власти в России¹¹. Много в личном фонде А.Е.Преснякова и выписок из источников и конспектов изученной им литературы по истории, философии, языкознанию, правоведению, этнографии, литературоведению и археологии. Особенно много здесь выписок и заметок на различных европейских языках по истории международ-

⁴ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С.505-506.

⁵ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С.363.

⁶ Черепнин Л.В. Об исторических взглядах А.Е.Преснякова // Исторические записки. Т.33. М., 1950. С.203-231.

⁷ Шапиро А.Л. Историография с древнейших времён до 1917 года. М., 1993. С.636-647.

⁸ Свердлов М.Б. 1) А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество. 2) Проблемы изучения Древней Руси в творчестве А.Е.Преснякова // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993. С.566-586.

⁹ Чирков С.В. Александр Евгеньевич Пресняков // Историки России XVIII-XX вв. Под ред. А.А.Чернобаева. Вып.2. М., 1995. С.71-79. Он же. Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков // Историки России XVIII — начало XX века. Под ред. А.И.Сахарова. М., 1996. С.533-556. Он же. Александр Евгеньевич Пресняков // Портреты историков. Время и судьбы. Т.1. Отечественная история. М., 2000. С.136-157.

¹⁰ Пресняков А.Е. — Платонову С.Ф. 24.04.1926 г. // РО РНБ. ф.585. Оп.1. №3945. Л.29.

¹¹ Чирков С.В. Обзор архивного фонда А.Е.Преснякова // АЕ за 1970 год. М., 1971. С.310-311.

ных отношений России XVIII-XIX веков и, в первую очередь, по истории русско-польских отношений при Петре Великом, которыми особенно интересовался в последние годы своей жизни учёный. Не собрана и не изучена, к сожалению, как следует, и богатая личная переписка А.Е.Преснякова¹².

Творчеством и судьбой А.Е.Преснякова автор этих строк заинтересовался ещё в начале 1980-х годов в связи с подготовкой диссертационного исследования об университетском учителе А.Е.Преснякова академике С.Ф.Платонове и уже тогда стал собирать материал о нём. Тем временем, в 1993 году в издательстве “Наука” вышло в свет новое издание “Княжого права в Древней Руси” и “Лекции по русской истории” А.Е.Преснякова, подготовленные ленинградским историком М.Б.Свердловым¹³.

Особый интерес у меня вызвали опубликованные здесь же две большие статьи М.Б.Свердлова “А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество” и “Проблемы изучения Древней Руси в творчестве А.Е.Преснякова”. Однако ближайшее знакомство с ними не только обескуражило, но и вызвало внутренний протест: слишком уж явно расходились результаты научных изысканий М.Б.Свердлова с моими собственными представлениями о творчестве А.Е.Преснякова и его взаимоотношениями с С.Ф.Платоновым. Результатом этого внутреннего протеста стало появление в 3-м номере журнала “Отечественная история” за 1995 год моей рецензии на публикацию М.Б.Свердлова¹⁴.

Несмотря на положительную оценку в ней работы, проделанной им по подготовке издания, содержащиеся здесь критические замечания в адрес историографических статей М.Б.Свердлова привели, в конечном счёте, к появлению его нового труда: “О “петербургской школе историков”, корректности историографического анализа и рецензии В.С.Брачева”¹⁵. Отпечатав его тиражом в 50 экземпляров на собственные средства в издательстве “Минерва”, М.Б.Свердлов тут же разослал свою брошюру заинтересованным лицам и учреждениям.

Тогда же, по горячим следам, подготовил свой ответ на неё и автор этих строк. Но потом остыл, и до появления его в печати дело в 1995 году не дошло. Теперь же, в связи с публикацией биографического очерка о жизни и трудах А.Е.Преснякова помещенные в качестве приложения к нему моего старого “Ответа” М.Б.Свердлову представляются вполне уместным и позволят, как надеется автор, заинтересованному читателю глубже окунуться в существо разногласий среди историков в оценке творчества этого замечательного учёного.

---

¹² Там же. С.307-314.

¹³ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь. Подготовка текста, статьи и примечания М.Б.Свердлова. М., 1993.

¹⁴ Отечественная история. 1995, №3. С.198-201.

¹⁵ Свердлов М.Б. О “петербургской школе историков”, корректности историографического анализа и рецензии В.С.Брачева. СПб.. 1995.

Глава 1.

Первые шаги в науке. Неудача с диссертацией о московских летописных сводах. А.Е.Пресняков и С.Ф.Платонов

Жизненный путь А.Е.Преснякова был не из лёгких: Петербургский университет он окончил в 1893 году, а магистерскую диссертацию сумел защитить только в 1909 году. Итого целых 16 лет — случай, для учёного такого уровня удивительный. Ко времени получения магистерской степени А.Е.Преснякову было уже почти 40 лет — возраст, более подходящий для докторской защиты. И если в последующие два десятилетия отпущенного ему срока жизни А.Е.Пресняков с лихвой наверстал упущенное, а после блестящей защиты в 1918 году своей докторской диссертации прочно закрепился в кругу наиболее выдающихся русских историков, не следует думать, что далось это ему легко.

Родился Александр Евгеньевич 21 апреля (ст. стиля) 1870 года в Одессе в семье инженера путей сообщения Евгения Львовича Преснякова. Его дед, коллежский ассессор Лев Петрович Пресняков службу свою начал в 1829 году прапорщиком 27-го егерского полка. Дослужившись к 1842 году до капитана, вышел в отставку, после чего определился в почтмейстеры Вереяской почтовой конторы. В 1853 году Л.П.Пресняков был переведён в Можайск. Женат он был на дочери артиллерийского поручика Екатерине Дмитриевне Коробьиной, за которой получил в качестве приданого небольшое сельцо Чернышовку (49 душ мужского и 52 души женского полу крепостных крестьян). Куда подевалось впоследствии это сельцо — не совсем ясно. Несмотря на то, что отец Александра Евгеньевича Евгений Львович был старшим из сыновей Льва Петровича, в формулярном списке его по Министерству путей сообщения оно не значится. Как бы то ни было, не будучи дворянином по происхождению, Л.П.Пресняков достиг дворянства своей безупречной службой. Определением Калужского дворянского депутатского собрания от 14 августа 1857 года Лев Петрович Пресняков, жена его Екатерина Дмитриева и дети их Евгений, Порфирий и Софья были внесены в дворянскую родословную книгу Калужской губернии. 19 сентября 1857 года определение это было утверждено Сенатом¹.

Дворянское происхождение А.Е.Преснякова, таким образом, несомненно, хотя некоторые авторы и пытаются представить его разночинцем. А.Е.Пресняков, пишет, например, петербургский историк М.Б.Свердлов, был "*недво-*

---

¹ Дело по рапорту Калужского дворянского депутатского собрания о дворянстве рода Пресняковых // РГИА. Ф.1343. Оп.27. Д.6431. Л.15-16об.

рянского происхождения” и якобы “остро осознавая своё социальное отличие от дворянского сословия, резко отделял себя от него”².

После окончания в 1861 году Корпуса инженеров путей сообщения, отец будущего историка Евгений Львович был произведён в поручики и назначен в распоряжение XI (Могилёвского) округа путей сообщения. Ко времени рождения у него сына Александра он состоял в распоряжении начальника Одесской железной дороги с откомандированием для заведывания службой ремонта путей.

Матерью Александра Евгеньевича была дочь коллежского асессора Мария Пафнутьевна Лопатина (1842-1905). Кроме сына Александра в семье были ещё три дочери: Екатерина (1864), Надежда (1865) и Мария (1867).

По роду службы отца семья Пресняковых часто переезжала с места на место: Одесса, Тифлис, Харьков, Петербург. Семь лет управлял Евгений Львович Закавказской железной дорогой. С 1893 по 1901 год был заместителем начальника управления Курско-Харьковской-Севастопольской железной дороги. С 23 февраля 1901 года — член Комитета управления железных дорог России. В отставку Евгений Львович вышел только в 1909 году по болезни “с мундиром и производством в чин тайного советника”³. Надо отдать должное тогдашнему государству Российскому: помимо ведомственной пенсии в 1717 рублей Евгений Львович по выходе в отставку получил ещё и “усиленную пенсию” от казны в размере 3000 рублей в год⁴. Умер он в 1916 году в Петербурге по старости и похоронен рядом с женой на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Петрограде⁵.

Проработав много лет в правлениях различных железных дорог, Евгений Львович всегда имел неплохой заработок и семья Пресняковых едва ли когда нуждалась в материальном отношении, что, впрочем, не мешало царившему здесь либеральному умонастроению. Показателен и факультет Санкт-Петербургского университета, избранный А.Е.Пресняковым после окончания в 1889 году Тифлисской 1-й гимназии — юридический, окончание которого, можно сказать, гарантировало если не успешную карьеру, то, по крайней мере, материальный достаток обладателя заветного диплома. К счастью для науки, оказавшись здесь в сентябре 1889 года, А.Е.Пресняков быстро понял свою ошибку и уже через полгода перевёлся на историческое отделение историко-филологического факультета.

Здесь он с большим увлечением слушал лекции и работал в семинарах таких известных учёных, как В.Г.Васильевский, С.Ф.Платонов, И.М.Гревс, Н.И.Кареев, А.С.Лаппо-Данилевский, Г.В.Форстен⁶. Вскоре А.Е.Пресняков

² Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993. С.523.

³ О службе инженера Евгения Преснякова (1890-1910 гг.) // РГИА. Ф.229. Оп.19. Д.2129. Л.218, 232.

⁴ Там же. Л.247.

⁵ Никольский А.И. Некрополь (кладбище) б. Воскресенского Новодевичьего монастыря в Ленинграде. Л., 1932. С.43.

⁶ Кан А. Историк Г.В.Форстен и наука его времени. М., 1979. С.81-89.

обратил на себя внимание профессора кафедры русской истории С.Ф.Платонова, который, собственно, и дал ему тему его первой научной работы — состав и происхождение т.н. лицевой (т.е. с рисунками) рукописи из Синодальной библиотеки, известной как Царственная книга. Несмотря на то, что сама рукопись была напечатана М.М.Щербатовым ещё в XVIII веке, происхождение, состав, источники и соотношение её с другими московскими летописными сводами оставались невыясненными. Да и само издание М.М.Щербатова 1769 года, как оказалось, было не вполне исправным: перепутаны листы рукописи, не всегда учитывались редакционные приписки и прочее.

Работа над Царственной книгой увлекла А.Е.Преснякова. В мае 1892 года он, будучи ещё студентом, совершил поездку в Москву для непосредственного знакомства с самой рукописью, хранившейся, как уже отмечалось, в Синодальной библиотеке. Тщательно проработан был им и весь материал по теме в рукописном отделении Публичной библиотеки и библиотеке Петербургской духовной академии.

Результат превзошёл все ожидания: исследование студента так понравилось С.Ф.Платонову, что он даже рекомендовал его для напечатания в 31-м томе Записок историко-филологического факультета. В 1893 году вышло и отдельное издание этого труда⁷. По его настоянию оно было представлено в качестве конкурсного сочинения студентов университета и удостоено 7 февраля 1893 года золотой медали⁸.

В центре внимания А.Е.Преснякова оказался литературный состав Царственной книги, который он и постарался выяснить путём тщательного сопоставления её текста с текстом Никоновской и Львовской летописей, а также Степенной книги и Софийского временника. Правда, в своём первом научном опыте А.Е.Пресняков ещё не решился пойти против авторитетов (А.И.Соболевский), относивших составление памятника к XVII веку (1677 год), в то время как собранный и изученный им материал свидетельствовал, скорее, о второй половине XVI века, т.е. времени Ивана Грозного⁹. Однако, после выхода в 1899 году капитального исследования Н.П.Лихачёва «Палеографическое значение бумажных водяных знаков»¹⁰ А.Е.Пресняков исправил эту ошибку.

“Семь лет назад, — заявил А.Е.Пресняков в статье “Московская историческая энциклопедия XVI века”, опубликованной в 1900 году, — в брошюре “Царственная книга, её состав и происхождение” я исходил в изучении Лицевого свода из предположения, что эти рукописи относятся к XVII веку и даже ко второй его половине, опираясь на авторитетное мнение профессора Соболевского ... Но дальнейшее изучение материала зас-

⁷ Пресняков А.Е. Царственная книга, её состав и происхождение. СПб., 1893.

⁸ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.9403 (А.Е.Пресняков). Л.55.

⁹ Пресняков А.Е. Царственная книга, её состав и происхождение. СПб., 1893. С.32-33.

¹⁰ Лихачёв Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч.1. СПб., 1899. С.300-318.

тавляет меня примкнуть к тому мнению, что наши лицевые рукописи должны быть отнесены к XVI веку”¹¹.

В своём исследовании А.Е.Пресняков восстановил нарушенную последовательность листов рукописи, выявил редакционные вставки и пометки. Большой интерес представляют его наблюдения по текстуальной близости Царственной книги и Никоновской летописи, о сходстве почерка автора поправок в Царственной книге и т.н. “Никоновской с рисунками” (Синодальной) летописи. Одним словом, это первое в жизни Преснякова научное исследование ему, несомненно, удалось. Неудивительно поэтому, что с 1 ноября 1893 года А.Е.Пресняков по представлению чрезвычайно довольного им С.Ф.Платонова был оставлен Советом факультета при университете “для приготовления к профессорскому званию” сроком на два года без стипендии¹².

Работа А.Е.Преснякова над Царственной книгой вскоре вывела его на другую проблему — состава и происхождения Московского Лицевого свода XVI века, последней частью которого она, собственно, и являлась¹³. На московских летописных сводах XVI века и остановил, в конце концов, А.Е.Пресняков свой выбор при определении темы будущей магистерской диссертации. Конечно, о написании самой диссертации за два года при тех требованиях, которые предъявлялись к сочинениям этого рода, не могло быть и речи. Единственное, что успел А.Е.Пресняков сделать за это время (если не считать женитьбы, о которой чуть ниже), так это успешно сдать в 1896 году магистерские испытания¹⁴, после чего ему не оставалось ничего другого, как приступить к трудовой деятельности.

Начал её А.Е.Пресняков 23 декабря 1895 года с определения на службу в Департамент окладных сборов. 1 марта 1896 года ему удалось устроиться преподавателем на Педагогических курсах при Санкт-Петербургских женских гимназиях, преобразованных в 1903 году в Женский педагогический институт. Кроме того, А.Е.Пресняков во второй половине 1890-х годов начал преподавать в Николаевском сиротском институте и в гимназии С.Л.Таганцевой, а также в гимназии княгини Оболенской, где под руководством профессора Г.В.Форстена им был разработан оригинальный курс истории античной культуры для учеников 8 класса, который он читал здесь на протяжении десяти лет¹⁵. В общей сложности, А.Е.Пресняков отдал делу преподавания в средней школе более 15 лет и приобрёл заслуженную славу крупнейшего в Петербурге историка-методиста, авторитетнейшего специалиста по методике преподавания истории¹⁶.

¹¹ Пресняков А.Е. *Московская историческая энциклопедия XVI века* // ИОРЯС АН. СПб., 1900, т.5, кн.3. С. 826.

¹² ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.9403. Л.13.

¹³ Морозов В.В. *Лицевой летописный свод XVI века. Уроки историографии* // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 60-61.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.9403. Л.21.

¹⁵ Там же. Л.55.

¹⁶ Пресняков А.Е. *Русская история. Курс для младших классов*. Пг., 1915.

Всё это, конечно же, отнюдь не благоприятствовало научным занятиям А.Е.Преснякова. Не способствовала им и его поспешная женитьба в 1895 году на польской художнице Юлии Петровне Кимонт. *“Женитьба в 1895 году нанесла сильный удар по научным занятиям Преснякова. Хотя Юлия Петровна и была художницей, но происходила из буржуазной семьи”*, — пишет современный биограф Преснякова М.Б.Свердлов¹⁷. На самом деле ничего буржуазного в происхождении избранницы А.Е.Преснякова не было, да и быть не могло. Основателем старинного, хотя и обедневшего польского шляхетского рода Кимонт, записанного во втором разряде дворян Ковенской губернии, считается польский шляхтич Вацлав Варфоломеев сын Кимонт, приобретший в 1642 году в “Самогитском княжестве” по купчей крепости имение Кимонты¹⁸.

Согласно наведённым справкам, в конце XIX века (1889 год) владельцем имения Кимонты (34 десятины земли) Бетингольской волости в Ковенском уезде Ковенской губернии являлся польский дворянин Викентий Антонович Кимонт. Это значит, что из своих рук родовое имение Кимонты так и не выпустили. Что же касается отца Юлии Петровны, то им, скорее всего, был Пётр Кимонт, унаследовавший другое имение, принадлежавшее этому роду — Янушевичи (17 десятин), которое он делил вместе со своими братьями Николаем и Ипполитом¹⁹.

Женитьба хотя и на бедной, но, вне всякого сомнения, гордой полячке, серьёзно осложнила научную карьеру А.Е.Преснякова. Появились дети — в 1897 году сын Евгений, затем последовало ещё двое: Александр (1902) и Ярослав (1904)²⁰.

О том, что в поисках дополнительного заработка для содержания на приличном уровне своей семьи А.Е.Пресняков был вынужден преподавать в нескольких учебных заведениях, речь уже шла. Изменился с рождением детей и распорядок самой жизни А.Е.Преснякова: летние месяцы, которые раньше он посвящал научным занятиям, он стал проводить теперь с семьёй в имении Прены (правильнее, конечно, на хуторе) своего тестя, недалеко от Немана, в 10 верстах от местечка Берштаны Сувальской губернии. А здесь, как говорится, было не до учёных занятий, на что и жаловался А.Е.Пресняков в своих письмах С.Ф.Платонову²¹.

Идя навстречу жене, А.Е.Пресняков решает даже выучить польский язык, в чём он при своей способности к языкам и преуспел. Дальше — больше. При-

---

¹⁷ Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993. С. 520.

¹⁸ О дворянстве рода Кимонтов (1846-1881) // РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 3055. Л. 62.

¹⁹ Алфавитный указатель землевладельцев Ковенской губернии. Изд. 2-е. Ковно, 1889. С. 219.

²⁰ СПб. ф. архива РАН. Ф. 133. Оп. 1а. Д. 40. Л. 34. Старший сын А.Е.Преснякова Евгений (геолог по специальности) после окончания в 1926 году Горного института уехал из Ленинграда и работал в Дальневосточном и Иркутском университетах.

²¹ Пресняков А.Е. — Платонову С.Ф. 1903, август // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. №3943. Л. 20.

страстившись к регулярному чтению в имении тестя польских газет и журналов, которые он находил куда более интересными, чем русские, А.Е.Пресняков быстро превратился в горячего поклонника польской культуры. *“С большим миром нас связывают только польские газеты и журналы, которые я просматриваю с большим интересом, — писал А.Е.Пресняков матери из Прен летом 1899 года. — Это совсем не похоже на наши издания, и, надо признать, что живого, свежего тут больше”*²². Очевидно, таким образом, что русских газет польские родственники А.Е.Преснякова как патриоты принципиально не выписывали и не читали.

Увлёкшись Польшей, А.Е.Пресняков начинает пробовать писать и статьи на польскую тему, в сочувственном, разумеется, для поляков тоне, публикуя их на страницах русских либеральных газет: “Польский вопрос”²³, “Русское освободительное движение и польская демократия”²⁴, “По поводу польских настроений”²⁵, “Польский аграрный проект”²⁶ и другие.

Увлечение А.Е.Преснякова историей Польши зашло настолько далеко, что он, правда в конце жизни, собирался писать большой труд по истории русско-польских отношений в царствование Петра Великого²⁷, материалы для которого начал собирать со второй половины 1920-х годов²⁸. Впрочем, интерес А.Е.Преснякова к Польше не в публицистическом, а в научном плане наметился, судя по всему, ещё раньше, свидетельством чему служит его статья “Экономика и политика в польском вопросе начала XIX века”, опубликованная в 1924 году²⁹.

В отличие от нынешних аспирантов и соискателей, с написанием диссертации тогдашние магистранты, как правило, не спешили. Не был в этом смысле исключением и А.Е.Пресняков. По крайней мере, к написанию диссертации как таковой он приступил не ранее 1897 года, т.е. два года спустя после окончания срока своего оставления при университете. До этого в его активе можно отметить лишь реферат “Московские летописные своды”, прочитанный им 12 августа 1893 года на IX Археологическом съезде в Вильно³⁰. К 1893 году относятся и первые сохранившиеся в архиве А.Е.Преснякова сделанные им выписки по теме. Для ведения этих выписок ему даже

---

²² А.Е.Пресняков. Письма к матери. 1898-1899 гг. Публ. Т.Н.Жуковской // Деятели русской науки XIX-XX веков. Вып.2. СПб., 2000. С.334.

²³ “Страна”. 1906, 1(14) марта.

²⁴ “Страна”. 1906, 15(28) апреля.

²⁵ “Русская молва”. 1913, 21 мая (3 июня).

²⁶ “Страна”. 1906, 3(16) мая.

²⁷ Цирков С.В. Александр Евгеньевич Пресняков // Портреты историков. Время и судьбы. Т.1. Отечественная история. М., 2000. С.151.

²⁸ Архив СПб. ф. ИРИ РАН. Ф.193. Оп.1. Д.82, 83.

²⁹ Пресняков А.Е. Экономика и политика в польском вопросе начала XIX века // Борьба классов. 1924. Кн.1-2. С.29-49.

³⁰ Архив СПб. ф. ИРИ РАН. Ф.193. Оп.1. Д.170.

пришлось завести специальную тетрадь, которую он так и озаглавил — “Московские летописные своды”, с текстами из списков Библиотеки Академии Наук, Публичной библиотеки, Московского архива Министерства иностранных дел. Помимо фрагментов летописных текстов тетрадь содержит также краткие описания отдельных списков, заметки о их составе и взаимоотношениях. К 1901 году число таких тетрадей выросло до 7, а число обследованных А.Е.Пресняковым списков достигло 55³¹.

Наряду с выписками текстов подготовительного характера обращают на себя внимание сохранившиеся в архиве учёного неопубликованные при его жизни описания Типографского летописца (1900), Летописного сборника Воскресенского Новоерусалимского монастыря (1901), Львовской летописи, а также статья “Иоасафовская летопись”. Последняя была опубликована в 1940 году³².

Поскольку диссертацию о летописных сводах А.Е.Пресняков так и не написал, судить о предполагаемом содержании или плане его работы сложно. Одно ясно: сердцевину исследования должна была составить глава о Московском лицевом своде XVI века. Отдельные небольшие фрагменты этой главы или ряда глав А.Е.Пресняков печатал начиная с 1895 года: “Новые данные для изучения московских летописных сводов”³³, “Заметка о лицевых летописях”³⁴, “Мелкие заметки к Воскресенской летописи”³⁵, “Архивский летописец”³⁶. К 1901-1902 годам относится написание А.Е.Пресняковым текста по историографии темы³⁷.

Общие итоги наблюдений А.Е.Преснякова над рукописями Московского лицевого свода были подведены им в большой статье “Московская историческая энциклопедия XVI века”, опубликованной в 1900 году³⁸, которая показала, что несмотря на огромную работу, проделанную А.Е.Пресняковым по выявлению разбросанных по различным библиотекам и архивохранилищам отдельных частей Лицевого свода и разрешения им ряда вопросов, связанных с историей его текста, а также места и времени появления Лицевого свода, до завершения его работы ещё далеко. Самой большой трудностью для А.Е.Преснякова было то, что подготовленные им статьи как то не складывались в сколько-нибудь целостную картину русского летописания XVI века. *“Но, в общем, мои занятия сводятся к разнообразному чтению ... А как от этой общей работы перейти к постановке достаточно точной и в*

---

³¹ Чирков С.В. Обзор архивного фонда А.Е.Преснякова // Археографический Ежегодник (АЕ) за 1970 год. М., 1971. С.310.

³² Пресняков А.Е. Иоасафовская летопись // Исторические записки. Т.8. М., 1940. С.242-247.

³³ ЖМНП. 1895, №6. С.466-475.

³⁴ ИОРЯС АН. СПб., 1901, т.VI, кн.4. С.295-304.

³⁵ Летопись занятий Археографической комиссии.(ЛЗАК) за 1900 год. СПб., 1901. С.1-10.

³⁶ Памяти Л.Н.Майкова. СПб., 1902. С.1-14.

³⁷ Пресняков А.Е. Об изучении русских летописей. Публ. С.В.Чиркова // АЕ за 1968 год. М., 1970. С.415-432.

³⁸ ИОРЯС АН. СПб., 1900, т.V, кн.3. С.824-876.

то же время осуществимой темы для специального исследования и как найти время для этого, я и теперь не знаю”, — самокритично признавался А.Е.Пресняков в октябре 1899 года³⁹. Признание, что и говорить, примечательное. Очевидно, что успешным в целом разысканиям А.Е.Преснякова не хватало общей, руководящей идеи, разработка которой помогла бы ему связать накопленный им материал в единое целое.

Поскольку ни С.Ф.Платонов, ни другие члены его кружка помочь ему в этом плане не могли, это невольно подталкивало А.Е.Преснякова к критическому восприятию научного “кredo” своего университетского наставника и его окружения. Сказывались и либеральные пристрастия А.Е.Преснякова, плохо вписывавшиеся в национально-консервативный настрой платоновского кружка. “Я люблю свою науку и вовсе не отстаю от неё, но люблю её такой, как я её понимаю. А это совсем не платоновская наука. Не моя вина, что без глубоко-го философского элемента, с одним геллерством, история меня не увлекает ... И близкие мне по интересам — это Милюков, Л[анно]-Д[анилевский], а также Форстен. Учеником Платонова в настоящем смысле слова я не могу быть. Я очень ценю его, учусь у него многому, но всё это для меня второстепенно: материал, а не наука. Он не отрицает моих интересов, но они ему чужды. Вероятно, это и отражается на наших отношениях. Он вообще замыкается, уходит от молодёжи — и на курсах, и в университете. Его взгляды — университетские и общественные, отливаются отчётливо в систему. А это не наши взгляды; его симпатии не наши”, — отмечал А.Е.Пресняков в письме к матери от 11 октября 1899 года⁴⁰.

Что касается “философского элемента”, которого ему якобы не хватало в платоновском кружке, то в устах человека, пишущего текстологическое исследование о московских летописных сводах XVI века, такое заявление звучит, по меньшей мере, странно. Какой такой “философский элемент” намеревался он отыскать в исследуемых им летописных списках и кто ему в этом мешал — остаётся только гадать. Очевидно, что выпад А.Е.Преснякова против источниковедческого направления платоновской кафедры объясняется не столько философским складом ума самого Александра Евгеньевича, сколько теми объективными трудностями, с которыми пришлось столкнуться ему в работе над своей “источниковедческой” диссертацией. Но самое любопытное, всё же, здесь не это, а, казалось бы, мельком обронённая им фраза — “не наш”, от которой так и веет духом партийной борьбы.

“Недавно я был в их кружке, — делился А.Е.Пресняков с матерью (письмо от 1 октября 1899 года). — И скучно, и душно от решительных и жёстких суждений по адресу людей, заслуживающих, во всяком случае, иного

³⁹Пресняков А.Е. — Пресняковой М.П. 31.10.1899 // Деятели русской науки XIX-XX вв. Вып.2. СПб., 2000. С.347.

⁴⁰ А.Е.Пресняков. Письма к матери 1898-1899 гг. Публ. Т.Н.Жуковской // Деятели русской науки XIX-XX вв. Вып.2. СПб., 2000. С.343.

отношения. И Гревс, и даже Кареев теперь не должны вызывать иронию, да ещё недобрую, как у них ... Всё это трудно пересказать, но атмосфера этого кружка не по мне. И учиться у них нечему. Они учёные, но их интеллигентность не очень высокого полёта. Платонов лучше других, но он с ними сжился, дышит этой атмосферой и — доволен. Но мне она чужая”⁴¹.

Можно себе представить, как растревожило всё это Марию Пафнутьевну. Кажется, поняв это, А.Е.Пресняков спешит успокоить мать. *“Относительно Платонова можешь успокоиться. Мы с ним по-старому. Мы с Юлей ездили к нему в воскресенье с поздравлением ... В субботу у него вечер по случаю докторства”* (письмо от 21 октября 1899 года)⁴². Это немного успокоило мать. *“Я рад, что ты успокоилась относительно моего отношения к науке и к Платонову, — пишет А.Е.Пресняков Марии Пафнутьевне десять дней спустя, 31 октября 1899 года. — Личные отношения с ним у меня хорошие и я много ему обязан. Так что чужим для меня он не может быть. Но его кружок — всякие Чечулины, Середонины и К^о — совсем чужды нам, и потому ученики, подходящие к их стилю — Рождественский, Васенко — там более свои, чем я. На вечере у него в субботу это сказалось ясно. Было много народу и даже приезжие — Милюков. Дьяконов заметил сразу, что мы, молодёжь, вносим какую-то новую атмосферу. Не ту, что царит в платоновском кружке или “Кружок русских историков””*⁴³.

Основываясь на этих, прямо скажем, шокирующих признаниях А.Е.Преснякова, М.Б.Свердлов даже решил вообще не говорить о А.Е.Преснякове как ученике С.Ф.Платонова по “школе”. Он у него всего лишь *“третий руководитель Преснякова, но не идейный, — подчёркивает М.Б.Свердлов, — а помощник на жизненном пути”*. Первым и вторым “руководителями Преснякова” М.Б.Свердлов считает А.С.Лаппо-Данилевского и Г.В.Форстена, специальные курсы которых довелось посещать А.Е.Преснякову в период подготовки к магистерским испытаниям⁴⁴. Некорректность такой постановки вопроса очевидна. Если бы М.Б.Свердлов обратился к другим письмам А.Е.Преснякова, в частности, к С.Ф.Платонову, то убедился бы, что и магистерская, и докторская диссертации его создавались в самом непосредственном контакте с С.Ф.Платоновым.

Разногласия у А.Е.Преснякова с С.Ф.Платоновым действительно были, но не научного, а идейного плана, и связаны они были, главным образом, с либеральными иллюзиями молодого А.Е.Преснякова. В последующие годы, когда, повзрослев, он стал постепенно избавляться от них, стали улучшаться и его личные отношения с С.Ф.Платоновым. О “дорогом учителе”, как стал обращаться к С.Ф.Платонову А.Е.Пресняков после революции, речь у нас уже шла. Чтобы по-

⁴¹ Там же. С.343.

⁴² Там же. С.345.

⁴³ Там же. С.347.

⁴⁴ Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993. С.514.

кончить с этим сюжетом, стоит привести ещё собственные слова А.Е.Преснякова из его “Жизнеописания”: “По научной школе ученик В.Г.Васильевского (учитель С.Ф.Платонова — Б.В.) и ближайшим образом, С.Ф.Платонова”⁴⁵.

Конечно же, знать об истинном отношении А.Е.Преснякова к себе С.Ф.Платонов не мог. Но, будучи человеком пронизательным, несомненно чувствовал, что не могло не отразиться на его отношении к своему оказавшемуся слишком уж резвым ученику. “А с Платоновым у нас худо, — сообщал А.Е.Пресняков в письме к матери от 10 октября 1899 года. — Он отменил “среды”, но пригласил по-прежнему бывать у них — своих, ближних. Никто из нас (А.Е.Пресняков, С.А.Адрианов — Б.В.) в это число не попал”⁴⁶. Это был плохой признак. Надеяться при таких взаимоотношениях с научным руководителем на успешную защиту диссертации было нереально, и А.Е.Пресняков, кажется, это понимал. “Путь к профессуре, — вынужден был констатировать он состояние своих дел, — вообще едва ли возможен, как ты себя тешишь в мечтах своих, — писал он матери 11 октября 1899 года. — Моя карьера ... я сделаю её сам, ничем не завися от него (С.Ф.Платонова — Б.В.) ... Наука, умственные интересы и т.д. — это одно, а учёная карьера — другое, которая должна сама к первому приложиться. А гнуть первое под второе — дело нежелательное ... Неужели ты, мамочка, хотела бы видеть своего сына профессором, который пролез в это звание с трудами, написанными ради учёной степени, но посредственного достоинства?” — риторически вопрошал он⁴⁷.

Будущее не такого уж, в принципе, и молодого историка (А.Е.Преснякову в это время было без малого 30 лет) представлялось более чем туманным. Близкие друзья, зная о сомнениях А.Е.Преснякова, старались ободрить его. “У тебя наиболее гибкий ум и наибольший талант из всех наших коллег. Уверен, что летописи будут твоими “Житиями святых”, а за ними последует Боярская дума”, — дружески уверял его Н.П.Павлов-Сильванский в письме от 16 октября 1901 года⁴⁸. Но делу это, судя по всему, помогало мало. Очевидно, что А.Е.Пресняков вступил в это время в полосу затяжного творческого кризиса.

Правда, наши исследователи предпочитают прямо не говорить о кризисе, сводя всё дело, главным образом, к интеллигентности и предупредительности А.Е.Преснякова, который, якобы, не хотел выступать в роли оппонента академика А.А.Шахматова, также усиленно разрабатывавшего в это время историю русского летописания XV-XVI веков. А.Е.Преснякову, пишет С.В.Чирков, “видимо, было неудобно продолжать работу по той же теме”⁴⁹. Ближе к истине здесь всё же, думается,

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.9403. Л.121.

⁴⁶ А.Е.Пресняков. Письма к матери 1898-1899 гг. Публ. Т.Н.Жуковской // Деятели русской науки XIX-XX вв. Вып.2. СПб., 2000. С.342.

⁴⁷ Там же. С.343.

⁴⁸ Переписка Н.П.Павлова-Сильванского и А.Е.Преснякова о проблемах феодализма в России. Публ. С.В.Чиркова // АЕ за 1972 год. М., 1974. С.326.

⁴⁹ Чирков С.В. Александр Евгеньевич Пресняков // Историки России XVIII-XX вв. Вып.2. М., 1995. С.73.

М.Б.Свердлов. Всё дело в объёме предстоявшей работы, считает он, так как подготовить большую работу в относительно короткий срок было, по его словам, невозможно. Впрочем, если учесть, что материалы по теме А.Е.Пресняков стал собирать ещё в 1893 году, срок этот оказывается не таким уж и маленьким. Более существенно другое замечание М.Б.Свердлова. *“Решить эту проблему (московских летописных сводов XVI века — Б.В.), — пишет он, — хотя бы в первом приближении можно было лишь рассматривая, как Шахматов, комплексно русское летописание XIV-XVI веков, а не выборочно отдельные летописи. К тому же, надо было размежеваться с А.А.Шахматовым, чтобы не дублировать работу”*⁵⁰.

Действительно, работа А.Е.Преснякова конца 1890-х — начала 1900-х годов над диссертацией протекала на фоне самых энергичных усилий по разработке истории московского летописания XIV-XVI веков со стороны А.А.Шахматова⁵¹, новаторские источниковедческие приёмы которого, связанные с поставленной им задачей целостного восстановления на основе рукописей истории всех русских летописных сводов, находили полное понимание и поддержку с его стороны⁵². В то же время, у А.Е.Преснякова были и некоторые опасения в отношении А.А.Шахматова, что ясно видно из его письма к матери от 29 октября 1899 года, в котором, полушутя-полусерьёзно, он отмечает, что А.А.Шахматов составляет ему “конкуренцию” в изучении московских летописей⁵³.

Тем временем А.А.Шахматов счёл необходимым сам как бы пойти на встречу своему коллеге. *“Академик Шахматов, — с удовлетворением сообщал А.Е.Пресняков матери (письмо от 31 октября 1899 года), — прислал мне отличную работу о летописях, где ссылается на мои статьи. Надо теперь познакомиться с ним”*⁵⁴. И такое знакомство вскоре действительно состоялось, а с ним произошло и естественное разграничение исследовательских интересов двух учёных. В то время, как А.А.Шахматов от изучения летописных сводов XIV-XVI вв.⁵⁵ перешёл теперь к древнейшим⁵⁶, освободив, таким образом, дорогу А.Е.Преснякову, тот получил, наконец, возможность спокойно продолжать начатые исследования в области московского летописания XVI века⁵⁷.

---

⁵⁰ Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993. С.526.

⁵¹ Шахматов А.А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900, №9. Отд.2. С.90-176; №11. С.135-200; 1901, №11. С.52-80. Он же. Симеоновская летопись XVI века и Троицкая начала XV века // Известия ИОРЯС. 1900, т.V, кн.2. СПб., 1900. С.451-553.

⁵² Пресняков А.Е. А.А.Шахматов в изучении русских летописей // ИОРЯС. 1922. Т.25. Пг., 1922. С.163-171. Он же. А.А.Шахматов // Дела и дни. Пг., 1920. Кн.1. С.611-614.

⁵³ Чирков С.В. А.А.Шахматов и А.Е.Пресняков // Исторические записки. Т.88. М., 1971. С.389.

⁵⁴ А.Е.Пресняков. Письма к матери 1898-1899 гг. Публ. Т.Н.Жуковской // Деятели русской науки XIX-XX вв. Вып.2. СПб., 2000. С.347.

⁵⁵ Шахматов А.А. Обзорские русских летописных сводов XIV-XVI веков. М.-Л., 1938.

⁵⁶ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

⁵⁷ Чирков С.В. А.А.Шахматов и А.Е.Пресняков // Исторические записки. Т.88. М., 1971. С.389.

Но А.Е.Преснякову это помогло мало, что может служить лишь подтверждением того бесспорного факта, что дело тут было совсем не в “конкуренции” со стороны А.А.Шахматова. Напротив, обеспокоенный состоянием дел с диссертацией А.Е.Преснякова, А.А.Шахматов вместе с другим академиком, Л.Н.Майковым, ходатайствовали 22 января 1900 года перед Отделением русского языка и словесности Академии наук о назначении А.Е.Преснякову стипендии в 1200 рублей для завершения его работы о московских летописных сводах⁵⁸. Но сделать это для него оказалось не так то просто. Большой интерес в этой связи представляет отчёт А.Е.Преснякова о проделанной им работе за 1901 год, представленный им в Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук. *“В 1901 году, — пишет здесь А.Е.Пресняков, — я продолжал изучение рукописного материала для исследования о московских летописных сводах ... Занятия эти могли только ещё более укрепить общее впечатление, вынесенное мною в предыдущие годы и высказанное мною в прошлогоднем отчёте: количество рукописного материала, ещё не изученного и не описанного, в наших книгохранилищах очень велико; на очереди — выяснение этого материала, его описание и классификация, а по возможности, и издание. Возможность обобщений, действительно содержательных и плодотворных, может быть создана только долгой предварительной работой археографического характера. Пока возможны лишь частные предварительные обобщения, имеющие целью не столько установить какие-либо исторические выводы, сколько определить значение и характер материала”*⁵⁹.

Глубоким пессимизмом веет от этого заключения. Конечно же, рассчитывать на успех с таким настроением было трудно. А.Е.Пресняков и не рассчитывал. *“Я учусь и учусь, а вот что из этого выйдет — это одному Богу угодно”*, — вынужден был констатировать он в письме матери от 11 октября 1899 года⁶⁰.

Фраза эта не может не насторожить. О какой учёбе здесь идёт речь? Ведь все магистерские экзамены у А.Е.Преснякова были, как мы знаем, давно сданы. А вот какой. *“Знаешь, что? Я много читаю по части новых книг западной историографии. Какой в ней свежий дух веет. Больших, огромных учёных старых читаешь — точно пришельцы из другого мира, даже (и особенно) Мамзен. И Сергеевич, Буданов, Чичерин — выходцы с того света, почтенные, но — устаревшие точки зрения”*, — писал А.Е.Пресняков Н.П.Павлову-Сильванскому 30 октября 1901 года⁶¹.

---

⁵⁸ Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993. С.526.

⁵⁹ Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т.71. СПб., 1902. С.53.

⁶⁰ А.Е.Пресняков. Письма к матери 1898-1899 гг. Публ. Т.Н.Жуковской // Деятели русской науки XIX-XX вв. Вып.2. СПб., 2000. С.344.

⁶¹ Переписка Н.П.Павлова-Сильванского и А.Е.Преснякова о проблемах феодализма в России. Публ. С.В.Чиркова // АЕ за 1972 год. М., 1974. С.331.

Итак, вместо того, чтобы корпеть над диссертацией, А.Е.Пресняков зачитывался книгами “западной историографии”. Потеря интереса к предмету своего исследования, можно сказать, налицо и мы вполне определённо можем констатировать, что уже в 1902 году перспективы для завершения диссертации А.Е.Пресняков не видел и работал, скорее, по инерции.

Развязка наступила летом 1903 года. *“Приеду к 25-му, — писал А.Е.Пресняков С.Ф.Платонову в середине августа (письмо не датировано) 1903 года. — Можно? — Дело в том, что я никуда не поеду. Впечатлительность непроизвольно повышена и надо привести себя в равновесие. А моя несчастная “диссертация”, этот несчастный миф, которому, по-видимому, суждено сыграть тяжёлую роль в моей жизни. Я очень мало, почти ничего не сделал за лето — и не могу ничего делать. Она мне (диссертация — Б.В.) просто не по плечу и, при всей необходимости степени, например, для положения в Институте, я не думаю, чтобы вылезть из одолевших меня затруднений. Крушение это тяжело, и по отношению к моим, и по отношению к Вам”⁶².*

Неудача А.Е.Преснякова с написанием диссертации о московских летописных сводах действительно была полной. Однако напрасными его труды, положившие начало твёрдого основания для последующего изучения московского летописания XVI века⁶³, конечно же не были. Кроме того, наблюдения и материалы, собранные в ходе работы над диссертацией, очень пригодились ему впоследствии, при подготовке его уже докторской диссертации, посвящённой образованию Великодержавного государства. Плодотворно использовал А.Е.Пресняков свои знания в области русского летописания и в своей работе, сначала (с 20 декабря 1900 года) как сотрудник, а затем уже и в качестве полноправного члена Археографической комиссии. Избрание его в члены Комиссии произошло 12 декабря 1906 года⁶⁴. Как подчёркивали в своей “Записке” выступившие с этим предложением С.Ф.Платонов, В.Г.Дружинин, И.А.Бычков, Н.П.Лихачёв, А.А.Шахматов и Б.А.Тураев, *“большая осведомлённость А.Е.Преснякова во всём, что касается области русского летописания, и обширная историческая эрудиция, которой он обладает, дают Комиссии право ожидать от него много полезного”⁶⁵.*

И действительно, несмотря на то, что роль “первой скрипки” во всём, что касалось издания Полного Собрания Русских Летописей, играл в комиссии академик А.А.Шахматов, А.Е.Пресняков отнюдь не собирался играть здесь роль статиста. Ещё 5 ноября 1901 года, будучи сотрудником Комиссии, он выступил с предложением об издании Симеоновской летописи⁶⁶, в связи с чем им была составлена и прочитана здесь специальная записка⁶⁷.

⁶² Пресняков А.Е. — Платонову С.Ф. Август 1903 года // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3943. Л.20-20об.

⁶³ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII ввек. М., 1980. С.206-265.

⁶⁴ Летопись занятий Археографической комиссии (ЛЗАК) за 1906 год. СПб., 1908. С.61.

⁶⁵ Там же. С.56.

⁶⁶ ЛЗАК за 1901 год. СПб., 1902. С.55.

⁶⁷ Там же. С.59-62.

Комиссия приняла его предложения, поручив подготовку летописи к печати самому А.Е.Преснякову. В 1913 году она была опубликована в составе XVIII тома Полного Собрания Русских Летописей⁶⁸. Кроме того, после смерти А.А.Шахматова А.Е.Пресняков взял на себя наблюдение за изданием Типографской летописи⁶⁹, подготовленной к печати С.П.Розановым. Показателем заинтересованного отношения А.Е.Преснякова ко всему, что имело какое-либо отношение к изданию ПСРЛ, являются его “записки” в Комиссию с предложением об издании Московского летописного свода по списку Эрмитажного собрания⁷⁰ и Новгородской IV летописи⁷¹.

Несмотря на уважение и приязнь, которые питал А.Е.Пресняков по отношению к А.А.Шахматову, в ходе разгоревшихся в 1900-е годы в Комиссии горячих споров между сторонниками (А.А.Шахматов) и противниками (С.Ф.Платонов и другие историки) филологического издания русских летописей А.Е.Пресняков недвусмысленно поддержал историков⁷². Большой интерес представляет в этой связи его заявление, сделанное в 1918 году, о том, что “метод лингвиста-филолога” ему де “недоступен” и что шахматовская методика исследования летописей должна быть дополнена “приёмами реально-го комментария летописных известий”, которыми А.А.Шахматов пользовался “в меньшей, однако, полноте и систематической последовательности, чем это, быть может, нужно для твёрдости взглядов”⁷³. За пределами Археографической комиссии свой интерес к летописям А.Е.Пресняков реализовал в вышедшей в 1916 году “Истории древнерусской литературы” под редакцией А.Е.Грузинского, где ему принадлежат очерки “Древнерусское летописание”⁷⁴ и “Летописное дело в XIV-XVI вв.”⁷⁵.

А.Е.Пресняков — безусловно, самый выдающийся и наиболее талантливый из всех учеников Платонова и, что особенно важно, талант его не был односторонним: строгость ума и критическое восприятие действительности (“Я скептик и насмешник по натуре”⁷⁶) органично сочетались у него с живостью характера и непосредственностью. “Благодарю душевно за ободрение, — писал, например, ему 13 ноября 1901 года Н.П.Павлов-Сильванский,

---

⁶⁸ Полное Собрание Русских Летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. Пг., 1921.

⁷⁰ Записка А.Е.Преснякова “Об издании Московского летописного свода по списку Эрмитажного собрания” // ЛЗАК за 1908 год. СПб., 1909. С. 18-19.

⁷¹ Записка А.Е.Преснякова “О Новгородской IV летописи” // ЛЗАК за 1901 год. СПб., 1902. С. 16-21.

⁷² Брачев В.С. Петербургская Археографическая комиссия (1834-1929). СПб., 1997. С. 128, 129.

⁷³ Пресняков А.Е. Речь перед зачиткой диссертации под названием “Образование Великоорусского государства” // ЛЗАК за 1918 год. Вып. 30. Пг., 1920. С. 7-8.

⁷⁴ История русской литературы до XIX века. Т. I. М., 1916. С. 148-169.

⁷⁵ Там же. С. 248-270.

⁷⁶ Пресняков А.Е. — Павлову-Сильванскому Н.П. 30 октября 1901 года // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 331.

терзавшийся в это время сомнениями в связи с разрабатываемой им концепцией русского феодализма. — *Ещё более убедился, какой ты живой человек и до какой степени способен увлекаться идеей*”⁷⁷.

В этом сочетании удивительной способности увлекаться идеей, а тем более идеей прогрессивной, передовой, с присущим ему, в то же время, критицизмом и строгостью ума, привитыми ему петербургской школой, можно сказать — весь А.Е.Пресняков. Не случайно хорошо и близко знавший своего ученика С.Ф.Платонов в статье, посвящённой его памяти, счёл необходимым отметить “*глубокое гуманитарное образование*” А.Е.Преснякова, его “*склонность к философской мысли и историческим обобщениям*”. “*В области исторической критики и методологии*, — подчеркнул С.Ф.Платонов, — *он был столь же осведомлён, как и в фактическом материале*”⁷⁸.

Интерес к историко-философской проблематике проявился у А.Е.Преснякова ещё в студенческие годы. Едва ли случайно в этой связи, что в число любимых преподавателей, наряду с историками В.Г.Васильевским и С.Ф.Платоновым А.Е.Пресняков включил и философа А.И.Введенского. Однако наибольшее влияние на него оказал всё же не А.И.Введенский, а приват-доцент факультета А.С.Лаппо-Данилевский, курс которого по методологии истории⁷⁹ прилежно посещал А.Е.Пресняков в 1894-1895 академическом году. Очевидно, что под его влиянием собственно и сформировался интерес А.Е.Преснякова к различного рода неокантианским и неопозитивистским идеям в философии истории⁸⁰. А.С.Лаппо-Данилевский, как известно, исходил из представления о двойственной сущности памятников прошлого, рассматривая их не только как исторический источник, но ещё и как явление исторической жизни прошлого, как своеобразный памятник той или иной эпохи. А.Е.Пресняков полностью воспринял это положение⁸¹.

С большим интересом воспринял А.Е.Пресняков и вышедшую в 1894 году во Франции книгу историка и социолога Поля Лакомба “Социологические основы истории”, откликнувшись на неё в 1895 году специальной рецензией. Правда, к этому времени вышел в свет и русский перевод этого труда, но А.Е.Пресняков рецензирует именно его французское издание⁸².

---

⁷⁷ Переписка Н.П.Павлова-Сильванского и А.Е.Преснякова о проблемах феодализма в России // АЕ за 1972 год. М., 1974. С.332.

⁷⁸ Платонов С.Ф. А.Е.Пресняков (некролог) // Известия АН СССР. VII серия. Отделение гуманитарных наук. 1930, №2. С.85.

⁷⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 1-2. СПб., 1910-1913.

⁸⁰ Гальперин Г.Б. К вопросу о философской основе исторической концепции А.Е.Преснякова // Философские проблемы государства и права. М.-Л., 1970. С.100-110.

⁸¹ А.Е.Пресняков. Рец. на книгу: А.С.Лаппо-Данилевский. Очерк дипломатики частных актов // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С.450-451.

⁸² Пресняков А.Е. Новый труд по теории исторической науки // ЖМНП. 1895, январь. С.188-210.

Будучи твёрдо убеждён, что в основе всякого исторического труда *“всегда лежит известное социологическое воззрение”*⁸³, хотя сам историк, быть может, и не всегда осознаёт это, А.Е.Пресняков с огорчением вынужден был констатировать, что, несмотря на это, *“у нас нет удовлетворительной методологии, нет даже установленного определения исторической науки”*. Заслуживает внимания и критика А.Е.Пресняковым историков, использующих в качестве основы своих философско-исторических построений уже устаревшие, по его мнению, теории философов-позитивистов Огюста Конта и Герберта Спенсера. *“С падением немецкой послекантовской идеалистической философии пали и общие исторические схемы. Наступило оскудение философской мысли среди историков”*, — с сожалением констатирует он⁸⁴.

Выход из создавшегося тупика А.Е.Пресняков видел в обращении историков к теории так называемого *“психологического позитивизма”* или теории *“психических явлений”*, которую и пытался развивать в своей книге Поль Лакомб, горячо настаивавший на существовании некоей устойчивой связи между историческими закономерностями и закономерностями в сфере психических состояний, служащих мотивами тех или иных действий человека. *“Историческое развитие, — сочувственно отмечает в этой связи А.Е.Пресняков, — определяется у Лакомба двумя факторами: психическими причинами перемен и условиями коллективной деятельности”*⁸⁵. И хотя сам А.Е.Пресняков вынужден, в конце концов, признать, что поставленная Полем Лакомбом задача разработки критической теории психических явлений как основы для *“научной теории исторических явлений”* ещё только намечается, он был почему то уверен, что задача эта *“разрешима и путь, на котором надо искать её решение, более или менее ясен”*⁸⁶.

Это юношеская, можно даже сказать, ученическая (ведь к этому времени он только что окончил университет) рецензия А.Е.Преснякова на труд маститого социолога весьма важна для его научной биографии. И не только в смысле подтверждения интереса А.Е.Преснякова к историко-философской проблематике, но и для лучшего понимания весьма частого обращения его в своих трудах к раскрытию психологического внутреннего облика исторических личностей, чем он, собственно, и объяснял, главным образом, мотивы их действий. Особенно это заметно в работах А.Е.Преснякова 1920-х годов, о чём ещё у нас пойдёт речь. Однако в целом увлечение А.Е.Преснякова философскими проблемами исторического знания не слишком отразилось на его исторических трудах. И в магистерской, и в докторской диссертациях, да и в ряде других работ А.Е.Пресняков предстаёт перед нами как последовательный сторонник *“научного реализма”* в духе традиций университетской исторической школы, хорошо, вместе

⁸³ Там же. С.191.

⁸⁴ Там же. С.189.

⁸⁵ Там же. С.206.

⁸⁶ Там же. С.209-210.

с тем, понимающий, что источник, как бы мы ни отстаивали его “права”, даёт нам ответы только на те вопросы, которые мы ему задаём.

Совсем другое дело — общественно-политические взгляды А.Е.Преснякова конца 1890-х — начала 1900-х годов, резко отличавшиеся, как мы уже знаем, от государственно-патриотической позиции, которой придерживались в это переломное и поистине судьбоносное для нашей страны время С.Ф.Платонов и члены его кружка. Вступление А.Е.Преснякова в образовавшуюся в октябре 1905 года Конституционно-демократическую партию⁸⁷ или Партию прогрессивной русской интеллигенции, как её ещё иногда называли, в этом плане весьма показательным и закономерно. Правда, в отличие от своего приятеля, историка Н.П.Павлова-Сильванского, который не только с жаром отдался партийной работе и превратил свою квартиру в *“штаб, в котором писались бюллетени, раздавались агитационные листки, толкались люди всевозможных профессий”*, не только организовывал в 1905-1906 годах кадетские митинги и выступал на них с речами⁸⁸, но и вступил, в конце концов, в масонскую ложу (*“Полярная звезда”*⁸⁹), А.Е.Пресняков масоном всё-таки не стал, хотя и был, как мы знаем, весьма отзывчив на всё новое и прогрессивное. К развернувшейся в стране после 1905 года ожесточённой политической борьбе с царским самодержавием он отнёсся более сдержанно, хотя взгляды Н.П.Павлова-Сильванского, безусловно, разделял.

Политическим идеалом для А.Е.Преснякова этого времени, как и для всех русских либералов, был выход России в результате революции на европейский путь развития, *“на путь приличной государственной жизни”*. *Существовавший же тогда в России самодержавный общественно-политический строй или “старый порядок”, как он его называл, А.Е.Пресняков определял (письмо к жене от 11 января 1906 года) как “огромную скотину”* и выражал опасение, чтобы эта скотина, то есть царское самодержавие, разлагаясь, не *“задушила в грязи”* Россию⁹⁰.

Хорошим показателем революционных настроений А.Е.Преснякова могут служить его записные книжки за 1904-1906 годы, содержащие много заметок о революционном движении, земстве, записи речей на митингах, конспекты книг и статей о Великой французской революции, а также различного рода заметки о политических событиях в стране⁹¹. О том же свидетельствует и активное сотрудничество А.Е.Преснякова 1905-1906 годов как публициста в оппозицион-

---

⁸⁷ Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993. С.523.

⁸⁸ Мельгунов С.П. Памяти Н.П.Павлова-Сильванского // Отчёт о деятельности Учебного отдела Общества распространения технических знаний за 1908-1909 гг. М., 1911. С.46.

⁸⁹ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С.61-62.

⁹⁰ Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993. С.524.

⁹¹ Чирков С.В. Обзор архивного фонда А.Е.Преснякова // АЕ за 1970 год. М., 1971. С.312.

ной правительству прессе — газете “Страна” (редакторы масоны М.М.Ковалевский и И.И.Иванюков) и журнале “Полярная звезда” (редактор П.Б.Струве). Из нескольких десятков газетных и журнальных публикаций А.Е.Преснякова этого времени особое внимание привлекает цикл его статей о декабристах и народниках, в которых русские либералы не без оснований усматривали своих духовных предтеч: “Декабристы”⁹², “В поисках народности”⁹³, “Накануне народничества”⁹⁴, “Революционное народничество”⁹⁵ и др. Изучение движения декабристов, пишет А.Е.Пресняков в одной из своих статей, *“ведёт к выяснению крупного момента в истории нашего общественного сознания, того брожения идей, которое в дальнейшем развитии привело к выработке разнородных общественных направлений. В этом движении впервые была сознательно поставлена идея народа как единственной основы национального целого, впервые отчётливо понято, что раздробленность и подавленность национальных сил, создаваемая сословностью и порабощением масс — гибельная причина нашей культурной и политической слабости”*⁹⁶.

Понять, что хотел сказать этим пассажем А.Е.Пресняков, можно, хотя очевидно, что газетная и журнальная публицистика — это всё же явно не его стихия. Большой живостью отличается статья А.Е.Преснякова 1906 года “Между молотом и наковальней”, посвящённая работе I Государственной Думы. *“Тяжело положение Первой Государственной Думы, — пишет здесь А.Е.Пресняков. — Она вызвана к жизни широким и напряжённым освободительным движением, остановить которое не смогли кровавые усилия реакционной власти ... С ужасом и ненавистью, — с пафосом продолжает А.Е.Пресняков, — встречаются зарю обновления истинные слуги старого режима. Чуждые веры в жизнь, в народ, они, естественно, цепляются за старые формы ... Трудное положение Думы между молотом революции и наковальней бюрократических позиций грозит серьёзными опасностями для России, для дела народной свободы”*. Эта Дума, предупреждает А.Е.Пресняков, не есть *“прочный результат политического преобразования, а только первый шаг к нему. И на ней лежит задача — довести освободительное движение до конца, до прочного создания конституционно-демократического строя”*⁹⁷.

Однако довести освободительное движение до конца, до полной победы, Государственная Дума, как мы знаем, не сумела. Революция была подавлена и огорчённый этим Пресняков, как, впрочем, и другие кадеты, вынужден был переменить тон и заговорить о необходимости сотрудничества власти с народными избранниками. *“В непрерывном взаимодействии*

⁹² Полярная звезда. 1905, №1.

⁹³ Полярная звезда. 1906, №6.

⁹⁴ Московский еженедельник. 1906, №32.

⁹⁵ Московский еженедельник. 1906, №10.

⁹⁶ Пресняков А.Е. (Сандро). Декабристы // Полярная звезда. 1905, №1. С.56-57.

⁹⁷ Пресняков А.Е. Между молотом и наковальней // Страна. 14(27) мая 1906. С.5.

правительственной власти и народного представительства, креннущего в борьбе с её преобладанием, заключается залог будущего развития государства и освоения правительством культурных начал конституционной монархии — таков вывод исторической мудрости В.О.Ключевского”, — сочувственно отмечает А.Е.Пресняков в своей рецензии 1908 года на выход в свет третьего издания “Краткого пособия по русской истории” своего московского коллеги⁹⁸.

Пик увлечения А.Е.Преснякова либеральной публицистикой приходится (что понятно) на 1905-1907 годы. С поражением революции реже стал публиковаться в газетах и А.Е.Пресняков⁹⁹.

Не подлежит сомнению, что главным двигателем увлечения А.Е.Преснякова публицистическим жанром являлись его либеральная общественная позиция и присущая ему публицистическая жилка. Не следует, видимо, сбрасывать со счетов и личный момент: в 1900-е годы, когда до славы было ещё очень далеко, появление даже небольшой заметки в газете могло играть и, скорее всего, действительно играло роль своеобразной нравственной опоры, которой так не хватало в то время А.Е.Преснякову в его изнурительной борьбе, связанной с поисками своего места под солнцем в научном сообществе петербургских историков.

В этом же ключе следует, видимо, рассматривать и активное участие А.Е.Преснякова в целом ряде коммерческих, как бы мы сейчас сказали, проектов в области отечественной истории. Речь идёт о таких коллективных сборниках, как “Люди Смутного времени” (1906), “Три века: Россия от Смуты до нашего времени” (1912), “Государи из Дома Романовых” (1913), “Великая реформа” (1911), для которых им были написаны очерки: “Смутное время”¹⁰⁰, “Прокопий Ляпунов”¹⁰¹, “Филарет Никитич”¹⁰², “Царь Михаил Фёдорович”¹⁰³, “Власть и население при царе Алексее Михайловиче”¹⁰⁴, “Три столетия”¹⁰⁵, “Московское государство первой половины XVII века”¹⁰⁶, “Московское государство (1500-1650)”¹⁰⁷, “Дворянс-

---

⁹⁸ Слово. 1908, 15(28) мая. С.3.

⁹⁹ А.Е.Пресняков. Декабристы (По поводу “Исторических этюдов” П.Е.Щёголева. СПб., 1913) // Русская молва. 1913, 12 апреля; Он же. Земское дело // Русь. 1913, 26 февраля; Он же. Кузьма Минин // Биржевые ведомости. 1916, 7 мая.

¹⁰⁰ Люди Смутного времени. Под ред. А.Е.Преснякова. СПб., 1906. С.5-6.

¹⁰¹ Там же. С.36-38.

¹⁰² Там же. С.49-53.

¹⁰³ Государи из Дома Романовых (1613-1913). Под ред. Н.Д.Чечулина. Т.1. М., 1913. С.20-61.

¹⁰⁴ Там же. С.92-117.

¹⁰⁵ Три века: Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник. Т.1. М., 1912. С.1-3.

¹⁰⁶ Там же. С.40-80.

¹⁰⁷ История нового времени (1500-1910). Т.1. Век религиозных войн (1500-1650). Под ред. проф. И.Пфлуг-Гартунга. СПб., 1913. С.669-740.

кий и крестьянский вопрос в “наказах”¹⁰⁸, “Дворянский и крестьянский вопрос в екатерининской Комиссии”¹⁰⁹.

Научное значение этих трудов А.Е.Преснякова невелико, хотя С.Ф.Платонов и отмечал в 1909 году, что его *“характеристики людей Смутного времени отличаются литературным изяществом и тонкостью, имея, в то же время, солидную учёную цену; характеристика же, данная им патриарху Филарету Никитичу, — заявил С.Ф.Платонов, — не имеет равных во всём том, что когда-нибудь было писано об этом лице”*¹¹⁰.

Несколько неожиданным для А.Е.Преснякова как специалиста по русскому средневековью выглядит обнаружившийся в 1900-е годы его интерес к истории XVIII века. Решающим в этом смысле явился для него, несомненно, 1908 год, когда А.Е.Пресняков неожиданно принимает предложение об участии в коллективной монографии по истории Правительствующего Сената за 200 лет. А.Е.Преснякову достался раздел, посвящённый истории Сената в царствование Елизаветы Петровны, вылившийся, в конечном счёте, в солидную монографию. В архиве учёного сохранилось большое количество архивных выписок и подготовительных материалов по теме¹¹¹. Не вполне ясны, правда, побудительные мотивы, которые заставили А.Е.Преснякова приняться за разработку такой, казалось бы, далёкой от его научных интересов темы. Не исключено, что он намеревался представить свой труд в качестве диссертации. Определённую роль могли играть и финансовые соображения. “История Правительствующего Сената за 200 лет” носила юбилейный характер и подготовка её щедро оплачивалась казной. Одно несомненно — из “спортивного”, так сказать, интереса, просто так монографий до революции серьёзные люди, как правило, не писали.

Работать А.Е.Преснякову над новой для него темой было хотя и нелегко, но интересно. *“Я доволен собранным материалом, — сообщал он С.Ф.Платонову в декабре 1909 года, — и боюсь не столько неполноты его, сколько нестроты, затрудняющей синтез, потому что я тут глуп до чрезвычайности. Буду осторожен с нею”*¹¹². В 1911 году, как раз к юбилею Сената, работа А.Е.Преснякова была закончена и опубликована¹¹³. Появление её стало значительным событием в разработке истории этого учреждения. Значение Сената в Елизаветинское время, пришёл к выводу А.Е.Пресняков, во многом *“ослаблялось отчуждением от него императрицы”*. Ключевая же роль в определении его по-

¹⁰⁸ Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Под ред. А.К.Дживелегова, С.П.Мельгунова, В.И.Пичеты. М., 1911. С.191-203.

¹⁰⁹ Там же. С.204-217.

¹¹⁰ Платонов С.Ф. (Рец.) Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. СПб., 1909 // ЖМНП. 1909, №7 (июль). С.214.

¹¹¹ Архив СПб. ф. ИРИ РАН. Ф.193. Оп.1. Д.73-79.

¹¹² Пресняков А.Е. — Платонову С.Ф. 30.12.1909 года // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3944. Л.26.

¹¹³ История Правительствующего Сената за 200 лет (1711-1911). Т.2. СПб., 1911. С.3-314. См. также: Пресняков А.Е. Правительствующий Сенат в XVIII столетии // ЖМНП. 1911, №3. С.4-40.

литики в тех или иных вопросах принадлежала в этих условиях Канцелярии Сената и его генерал-прокурорам. Важное значение имеет и вывод А.Е.Преснякова о том, что во второй половине царствования Елизаветы Петровны Сенат вполне определённо становится *“проводником сословного самосознания дворянства”*, так как в своих мероприятиях, касающихся вопросов землевладения и владения крепостными, развития промышленности, улучшения личного состава гражданских учреждений, назначения на должности и движения по службе он неизменно руководствовался *“интересами этого класса”*¹¹⁴. Как показал А.Е.Пресняков, именно в царствование Елизаветы Петровны была осознана необходимость тех преобразований государственного управления, которые и были осуществлены затем при Екатерине II¹¹⁵.

В связи с работой А.Е.Преснякова по истории Сената была написана, очевидно, и его большая статья *“Политические настроения русского общества в XVIII веке”*, напечатанная в 1911 году в *“Книге для чтения по истории нового времени”*¹¹⁶. Кроме того, наблюдения, сделанные А.Е.Пресняковым в ходе работы над историей Сената, были использованы им в его *“Очерке истории правительственных учреждений в императорской России”*, прочитанном им в Петроградском университете в феврале-марте 1924 года¹¹⁷.

XIX век, в отличие от XVIII, должного внимания А.Е.Преснякова до 1917 года так и не привлёк (если не считать его публицистических статей в либеральной прессе о народничестве и движении декабристов), хотя интерес к нему уже наметился. Свидетельством этому может служить, в частности, его небольшой очерк *“Россия в царствование императора Николая I”*, напечатанный в 1914 году в *“Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни”*¹¹⁸.

---

¹¹⁴ История Правительствующего Сената за 200 лет (1711-1911). Т.2. СПб., 1911. С.313.

¹¹⁵ Там же. С.314.

¹¹⁶ Книга для чтения по истории нового времени. Т.2. М., 1911. С.665-689.

¹¹⁷ Архив СПб. ф. ИРИ РАН. Ф.193. Оп.1. Д.81. Л.1-40.

¹¹⁸ Пресняков А.Е. Россия в царствование императора Николая I // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. СПб., 1914, №5. С.99-104.

Глава 2.

Магистерская и докторская диссертации. Лекции по русской истории

При всей видимой важности занятий А.Е.Преснякова отдельными сюжетами из русской истории XVIII-XIX веков, не следует забывать, что становление его как учёного было связано, всё таки, с разработкой им не новой, а средневековой истории нашего Отечества. Собственно говоря, результаты, полученные им в этой области, и определили его место в кругу выдающихся русских историков.

Первым шагом на этом пути стали во второй половине 1890-х гг., как мы уже знаем, усиленные занятия А.Е.Преснякова по подготовке диссертации о московских летописных сводах XVI века. Диссертации он тогда так и не написал, но знаний, которые при этом приобрёл, отнять у него, конечно же, было нельзя. Другое дело, что реализовать эти знания и навыки вне университетских стен без поддержки своего учителя С.Ф.Платонова А.Е.Преснякову было трудно. К счастью, С.Ф.Платонов не остался равнодушен к судьбе своего талантливого ученика. 16 апреля 1907 года историко-филологический факультет Петербургского университета обратился к ректору с ходатайством о зачислении А.Е.Преснякова приват-доцентом кафедры русской истории. 12 июня 1907 года ходатайство факультета было удовлетворено и как сдавший в своё время магистерские экзамены, А.Е.Пресняков был допущен к чтению лекций по кафедре русской истории в звании приват-доцента с осеннего семестра 1907-1908 академического года¹.

Первый лекционный курс, прочитанный А.Е.Пресняковым в университете в 1907-1908 годах (о котором чуть ниже) не только оказался удачным, но и подсказал ему новую тему возможной магистерской диссертации — “Княжое право в Древней Руси”. Важно отметить, что работа над диссертацией велась А.Е.Пресняковым параллельно с разработкой им своего университетского курса по истории Киевской Руси, что, собственно, и предопределило успех всего дела.

На идею о написании диссертации о княжом праве А.Е.Преснякова натолкнул, судя по всему, установленный историко-этнографическими исследованиями конца XIX — начала XX веков факт существования в древности неразделённых семей и связанных с этим обстоятельством особых, только им присущих форм землевладения и семейных отношений². С.Ф.Платонов одобрил

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9403. Л. 13об.

² Свердлов М.Б. Проблемы изучения Древней Руси в творчестве А.Е.Преснякова // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993. С. 372.

тому. По душе пришлась она и самому А.Е.Преснякову. Важно и то, что в отличие от периода подготовки своей первой магистерской диссертации, на этот раз работу над ней А.Е.Пресняков вёл уже в самом непосредственном контакте с С.Ф.Платоновым. Отсюда и результаты. Уже к сентябрю 1908 года диссертация была практически готова. *“Вчера прислали мне гранки на первые полтора листа ... Простите, что не могу не обратиться к Вам с вопросом, не позволите ли присылать Вам ещё и корректурные листы. Я понимаю, что такая просьба — покушение на время, которого у Вас так мало. Но Вы так меня избаловали, что я и на это решаюсь. Хотелось бы воспользоваться Вашими замечаниями, пока не поздно. Ведь это детище недооцененное, преждевременное. Написать так эскизно, хоть и смело до развязности. Б-ррр?”*, — так охарактеризовал А.Е.Пресняков свою будущую диссертацию в письме к С.Ф.Платонову от 12 сентября 1908 года³.

Быстрота, с какой была написана диссертация, поразительна. Не исключено, впрочем, что к подготовке её Пресняков приступил несколько ранее своего официального зачисления в Санкт-Петербургский университет. Во всяком случае, уже в 1909 году она была напечатана в 60-м томе “Записок историко-филологического факультета”⁴.

Что касается несколько необычного названия книги — “Княжое право”, то сразу следует отметить, что под ним А.Е.Пресняков подразумевал *“совокупность отношений, сложившихся вокруг князей по обычным нормам, независимым от обычного права народных общин”*. Историческим корнем, из которого вырастали эти отношения, А.Е.Пресняков считал княжий дом, княжое огнище с его княжескими и некняжескими элементами. *“Совокупность относительно устойчивых и повторяющихся форм тех отношений, какие сложились между членами княжого рода, князьями и дружиной, а также зависимым от князей сельским населением, я определил как область особого княжого права”*, — подчеркнул А.Е.Пресняков в своей речи перед диспутом⁵.

Иначе говоря, под “княжим правом” А.Е.Пресняков понимал два круга отношений. Первый — это отношения между самими князьями, а второй — круг отношений, который служил основанием самостоятельного положения князя в земле-княжении.

Естественно поэтому, что сама диссертация логично распадается у него на два больших очерка: “Княжое владение и отношения между князьями Рюриковичами в X-XII веках” и “Князь в древнерусской земле-княжении”.

В первом из них, после небольшого введения, посвящённого основным чертам древнеславянского семейного права, автор последовательно рассмат-

³ Пресняков А.Е. — Платонову С.Ф. 12.09.1908 года // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3944. Л.16.

⁴ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. СПб., 1909.

⁵ Пресняков А.Е. Речь перед диспутом при защите магистерской диссертации “Княжое право в Древней Руси” 19 апреля 1909 года // Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т.1 М., 1938. С.244.

ривает борьбу за единовластие (Владимир Святославич, Ярослав Мудрый и его потомки) на Руси X-XII веков. Наиболее интересной здесь является новая трактовка А.Е.Пресняковым характера междукняжеских отношений на Руси этого времени. Подвергнув критике предшествующие ему теории лестничного восхождения князей на вершину власти (В.О.Ключевский) и “договорного начала” (В.И.Сергеевич), А.Е.Пресняков показал, что право на княжение в той или иной волости приобреталось князьями наследованием по отцу. Другими словами, это было не родовое и не договорное право, как думали его предшественники, а право семейное или “отчинное”. Стремясь не допустить политического распада начавшегося было складываться государства, князья, приходит к выводу А.Е.Пресняков, поневоле вынуждены были искать компромисс между “отчинными”⁶ разделами земель-княжений и необходимостью сохранения единства отчины, как территориально-политического целого. И компромисс такой, по мнению А.Е.Преснякова, действительно был найден в форме так называемого княжого “старейшинства”, т.е. признания всеми князьями Рюриковичами верховной власти одного из них⁶.

Не отрицая единства Русской земли X-XII веков, А.Е.Пресняков, в том же время, был твёрдо уверен, что единство это выражалось в такой совокупности взаимоотношений между князьями, которое не находит выражения в понятиях государственного права. В результате, отмечает он, мы *“не можем подвести Древнюю Русь ни под понятие единого государства, ни под понятие федерации, ни под понятие суммы суверенных государств-волостей”*⁷.

Критической в истории Древней Руси и междукняжеских отношений А.Е.Пресняков считал вторую половину XII века, когда отмеченная им ранее тенденция торжества отчинного раздела над идеей старейшинства привела к распаду Руси или, иначе говоря, *“того целого, которым владели Владимир и Ярослав, во главе которого стояли Владимир Мономах и Мстислав Владимирович на ряд отдельных замкнутых в себе земель-княжений”*⁸.

Этим было положено начало новому, так называемому “удельному” периоду русской истории с политической обособленностью отдельных волостей-княжений и договорными отношениями между укрепившимися здесь князьями. Основной причиной политической раздробленности Руси было, таким образом, по А.Е.Преснякову, торжество *“отчинного раздела и владения в связи со стремлением пригородов к независимости и обособлению”*⁹.

Как порождение компромисса, идея “старейшинства” киевских князей, пришёл к выводу А.Е.Пресняков, уже изначально *“носила в себе первородный грех всякого компромисса: невозможность разрешить внутреннее про-*

⁶ Пресняков А.Е. Княжеское право в Древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. СПб., 1909. С.154-155.

⁷ Там же. С.156.

⁸ Там же. С.107.

⁹ Там же. С.117.

тиворечие, его породившее, в каком-либо синтезе. Разрешение это принёс только удельный строй, подчинивший политическое преемство владельческому наследованию и ставший колыбелью патримониальной вотчинной монархии. Унаследовав задачи старейшинства, власть московских государей выковала из вотчинных начал новые средства для их разрешения”¹⁰ Вторая глава его исследования посвящена рассмотрению некоторых характерных черт (тысяча и тысяцкий, сотня и сотский, город и волости-земли) внутреннего строя земель-княжений Древней Руси и общественному положению князя (княжое право, дружина, население княжих сёл, вопрос о смердах).

Пришлое происхождение власти первых варяго-русских князей уже в принципе изымало как их, так и их дружину из сферы обычно-правовых норм “примученных” ими восточно-славянских племён. Это, собственно, и положило начало складыванию вокруг князя особого круга юридических отношений — “княжого права”. “Ряд общественных элементов, — развивает эту мысль А.Е.Пресняков, — связан лично с князем особой связью, связью специальной княжой защиты и служения князю. Во главе этих элементов стоит дружина княжих мужей и княжих слуг, его княжой двор, развитие и расчленение которого создало на Руси боярский класс, давало князю личный состав его администрации. Постепенно приобретает князь и самостоятельное материальное положение в развитии княжого землевладения и в особых, независимых от веча, правах на повинности части сельского населения — так называемых смердов. Этот строй отношений позволяет говорить об особом социальном организме княжого общества, стоящем, рядом с народными общинами и с обществом церковным. Это “княжое общество” не только обусловило первоначальное положение князя, но стало тою социальной силой, которая дала князьям возможность превратить в эпоху падения вечевых общин свои княжества в удельные вотчины”¹¹.

Что касается церковного землевладения, то оно интересовало А.Е.Преснякова в первую очередь тем, что развитие его также вело к возникновению ряда социально-экономических явлений, стоявших вне общего уклада обычно-правовых отношений народной массы. Население монастырских и вообще церковных сёл входило в состав так называемого “церковного общества”, обособленного церковными привилегиями. Церковное общество, подчёркивал А.Е.Пресняков, аналогично обществу княжому и тесно с ним связано, получая от князя, опекуна церкви, особую защиту, ряд исключительных прав и привилегий¹². “В известном смысле”, явлением того же порядка, то есть подпадающим под понятие “княжой защиты”, считал А.Е.Пресняков и бояр-

¹⁰ Там же. С. 157.

¹¹ Пресняков А.Е. Речь перед диспутом при защите магистерской диссертации “Княжое право в Древней Руси” 19 апреля 1909 года // Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. I. М., 1938. С. 244.

¹² Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. СПб., 1909. С. 296.

ское землевладение. Оно также, подобно землевладению княжескому и церковному, подчёркивал он, *“строит внутри древнерусских земель-княжений новый склад экономических и социально-правовых отношений, выходящих за пределы общего уклада народного быта”*¹³. Очевидное, таким образом, разрастание начал княжого права в XI-XII веках и привело, делает вывод А.Е.Пресняков, к смене вечевого строя Древнерусского государства-волости новым, удельно-вотчинным строем XIII-XIV вв.¹⁴

Характерно, что под защитой княжого права, помимо княжеских дружинников, бояр и изгоев, у А.Е.Преснякова оказывается и полусвободное, зависимое население княжеских и боярских сёл. Несмотря на, казалось бы, очевидный антагонизм между ними, все они: и богатые землевладельцы-бояре, и зависимые от них бедные крестьяне-смерды, оказываются у него в одной “корзине” под властной защитой князя, которому они, в свою очередь, обязаны *“первые — личной службой, вторые — повинностями и данями”*¹⁵.

Предпринятая А.Е.Пресняковым попытка вскрыть исторические корни той личной и независимой от веча силы князя, которая в дальнейшем развитии, с падением вечевого строя привела к организации всех социально-политических отношений на началах службы и повинностей, и на личной власти князя над всеми элементами населения вотчины-княжения, оказалась удачной. А.Е.Пресняков сумел показать, что в лице князя, бояр и церкви, землевладение которых становится всё более заметным явлением в хозяйственной жизни на Руси XI-XII веков, зрели новые социальные силы, опирающиеся на крупное землевладение. После распада Руси во второй половине XI-XII веков на ряд отдельных княжеств-вотчин на почве “житейского начала” и “отчинных владельческих интересов”, дальнейшая её эволюция состояла в образовании на этой основе в XIII-XV веках уже нового, удельно-вотчинного “уклада” социально-политического строя Руси¹⁶.

Как полагают некоторые исследователи, фактически в трактовке общественного строя Древней Руси А.Е.Пресняков следовал теории русского феодализма Н.П.Павлова-Сильванского¹⁷. Однако на прямое отождествление в своей диссертации экономических, социальных и политических отношений Древней Руси с феодальными порядками Западной Европы А.Е.Пресняков не пошёл. Не употребляет А.Е.Пресняков в своей работе и сам термин “феодализм”.

Работа А.Е.Преснякова получила полное одобрение С.Ф.Платонова¹⁸. Сама процедура защиты состоялась 19 апреля 1909 года. В качестве официальных

¹³ Там же. С.301.

¹⁴ Там же. С.294.

¹⁵ Там же. С.294.

¹⁶ Там же. С.VII.

¹⁷ Чирков С.В. Александр Евгеньевич Пресняков // Историки России XVIII-XX вв. Вып.2. М., 1995. С.76.

¹⁸ ЖМНП. 1909, №7. С.213-218.

оппонентов на ней выступили С.Ф.Платонов и профессор-юрист Э.Д.Гримм, давшие высокую оценку представленному сочинению¹⁹.

“При некоторой избитости темы, — заявил С.Ф.Платонов, — трудно было бы ждать больших новинок от труда А.Е.Преснякова. Вращаясь среди многих спорных, часто взаимоисключающих друг друга учёных мнений, автор, однако, всегда умеет быть самостоятельным и оригинальным. Не считая себя обязанным приводить и разбирать все существующие по тому или другому вопросу мнения, он, к сожалению, многие совсем игнорирует; зато с избранными из них ведёт оживлённую полемику, всегда поучительную, вносящую в вопрос новую точку зрения, новый взгляд. Иногда на давно известном материале ему удаётся поставить своё новое наблюдение, дать новый взгляд ...” Общее же заключение С.Ф.Платонова о диссертации было таково: *“Со многими из выводов А.Е.Преснякова можно спорить, кое-что можно назвать недосказанным, но в общем всю его книгу надо признать глубоко научным и хорошо исполненным трудом”*²⁰.

После диспута А.Е.Пресняков устроил у себя, по обычаю, небольшой “воскресный вечер”. *“А из профессоров, — обращается он к Платонову в письме от 17 апреля 1909 года, — кроме Вас и Эрвина Давидовича, я хотел бы пригласить только Гревса и Введенского. Ведь можно так?”* — спрашивает он²¹. Письмо это требует комментария. С профессором кафедры всеобщей истории И.М.Гревсом А.Е.Преснякова сближали, судя по всему, их общие либеральные кадетские взгляды. Что касается философа А.И.Введенского, то его, как уже отмечалось, А.Е.Пресняков, наряду с В.Г.Васильевским и С.Ф.Платоновым, относил к числу своих университетских учителей “в собственном смысле”, поскольку прочих профессоров он, по его словам, *“лучше знал по их работам”*²².

Защита диссертации А.Е.Пресняковым стала заметным событием в науке, вызвав благожелательные отзывы в печати (П.В.Верховский²³, А.А.Кизеветтер²⁴). Особенно тщательно отрецензировал работу А.Е.Преснякова А.А.Кизеветтер. Воздав должное автору, он, тем не менее, не счёл большую часть его наблюдений достаточно убедительными. *“Думаем, — заявил он, — что автор иначе сформулировал бы свои конечные выводы, если бы он исследовал земские отношения Киевской Руси с той же подробностью, с какой он рассматривал сферу специально княжеских отношений”*²⁵.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.9403. Л.23.

²⁰ Платонов С.Ф. (Рец.) А.Е.Пресняков. Княжеское право в Древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. СПб., 1909 // ЖМНП. 1909, №7. С.215-216.

²¹ ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3944. Л.19-19об.

²² Чирков С.В. Обзор архивного фонда А.Е.Преснякова // АЕ за 1970 год. М., 1971. С.308.

²³ Исторический вестник. 1909, №9. С.1076-1077.

²⁴ Кизеветтер А.А. (Рец.) А.Е.Пресняков. Княжеское право в Древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. СПб., 1909 // Русская мысль. 1909, №3. Отд.3. С.61-69.

²⁵ Там же. С.62.

Защита диссертации сразу же упрочила положение А.Е.Преснякова в университете. Появились у него и первые ученики. Уже в его семинаре 1908-1909 годов мы видим С.Н.Валка, П.Г.Любомирова, Б.А.Романова, С.Н.Чернова. Несколько позднее к ним присоединился Н.Ф.Лавров. Другое дело, что, как приват-доцент, А.Е.Пресняков не имел возможности оставления их для приготовления к профессорскому званию и поневоле вынужден был в их же интересах пристраивать своих учеников к С.Ф.Платонову.

Характерно в этом плане его письмо к С.Ф.Платонову от 25 мая 1912 года. *“Чернов и Романов окончили государственный экзамен. Оба, конечно, по первому разряду. С осени они оба — Ваши “оставленные”, не так ли? Не зная, говорили ли Вы с ними, я их не решился спросить об этом”*²⁶. Через месяц А.Е.Пресняков вновь возвращается к теме “оставления”: просит С.Ф.Платонова *“черкнуть, как обстоит дело с Романовым и Черновым. Очень это мне интересно”*, — добавляет он²⁷.

Большую заботу проявлял А.Е.Пресняков также и о научной судьбе П.Г.Любомирова и М.Ф.Злотникова. *“Дорогой Сергей Фёдорович! Бью челом. Нельзя ли продолжить стипендию Любомирову ещё на год. Получаемая им стипендия кончается к январю, а ведь он только на неё и живёт и было бы жаль толкать его на заработок, пока он экзамен не сдал. Да и работает он с увлечением ... Есть у меня ещё одна аналогичная забота: поддержка кандидатуры на стипендию для младшего Злотникова, весьма нуждающегося, отличного работника, гораздо лучшего, чем старший брат”*, — читаем мы в его письме на имя С.Ф.Платонова от 10 октября 1912 года²⁸.

Покровительствовал А.Е.Пресняков и Н.Ф.Лаврову. *“Работа Н.Ф.Лаврова (“Заметки о московских летописях XVI века” — Б.В.) вышла из Вашего семинара и является результатом профессионального и тщательного изучения рукописного материала. Дальнейшие занятия Н.Ф.Лаврова списками Никоновской летописи и летописью Воскресенской были бы весьма ценными для интересов Археографической комиссии”*, — отмечал он в письме к С.Ф.Платонову, относящемуся к 1916 году²⁹.

Усилия самого А.Е.Преснякова после защиты диссертации оказались сосредоточены, главным образом, на разработке своих лекционных курсов. Первый из них, по истории Киевской Руси, впервые был прочитан им, как уже отмечалось, в 1907-1908 академическом году. В 1915-1916 гг. А.Е.Пресняков вновь вернулся к нему, представив вниманию слушателей уже новый, расширенный вариант своих лекций. Что касается его содержания, то во многом оно (и это естественно) перекликается с магистерской диссертацией А.Е.Преснякова.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3945. Л. 35об-36.

²⁷ Пресняков А. Е. — Платонову С. Ф. 26.06.1912 // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3945. Л. 13-13об.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3945. Л. 14.

²⁹ Пресняков А. Е. — Платонову С. Ф. 13.03.1916 // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3954. Л. 22.

Предыстория восточного славянства, его расселение, племенной быт, образование городских областей и переход под влиянием варягов славянских племён к строю земель-княжений — таковы основные сюжеты первых университетских лекций А.Е.Преснякова. Первичными ячейками восточно-славянского общинного быта накануне образования Древнерусского государства А.Е.Пресняков считал большую семью или семейную общину — дворце и соседскую общину — вервь³⁰. Группы больших семей, живших на определённой территории, объединялись в племена или союзы племён. Само образование Древнерусского государства А.Е.Пресняков рассматривал не как закономерное следствие внутренних процессов разложения родоплеменных отношений и классообразования, а как результат варяжского завоевания и творческой, созидательной деятельности норманнских конунгов на восточнославянских землях. Именно с ними связывал он возникновение у нас начатков городской жизни и формирование городских волостей-княжений³¹.

Большую роль, по А.Е.Преснякову, в формировании основ государственной жизни в Древней Руси сыграло внешнее давление, исходившее от кочевников³². Однако преувеличивать степень развития государственной жизни Киевской Руси А.Е.Пресняков не был склонен. Княжеская власть, доказывал он, только внешним образом наложилась на территориальные союзы восточных славян, состоящие из ряда соседских общин. В результате создать сколько-нибудь единое, прочное государство и преодолеть внутреннюю рознь между отдельными землями-волостями так и не удалось³³.

Не обошёл в своих лекциях А.Е.Пресняков и проблему социально-экономических предпосылок политической раздробленности Руси XII-XIII веков, носителем которых у него выступает крупное землевладельческое боярство, замыкавшееся в провинциальных областных обществах³⁴. Говорит он в своих лекциях и об упадке торговой гегемонии Киева и о возникновении, наряду с ним, новых экономических центров. Однако главную причину распада Киевской Руси А.Е.Пресняков видел всё же в победе тенденции “отчинного раздела” над стремлением киевских князей сохранить единство распоряжения как силами всей Русской земли, так и судьбой отдельных её частей³⁵.

Мы уже отмечали увлечённость А.Е.Преснякова психологическим объяснением мотивов действий тех или иных исторических личностей. Верен ему оказался он и в своих лекциях, в частности, при определении понятия “народности”, в основу которого он положил культурно-психологический фактор. Принадлежность к той или иной народности, по

---

³⁰ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т.1. Киевская Русь. М., 1938. С.52-55.

³¹ Там же. С.67.

³² Там же. С.143.

³³ Там же. С.155-156.

³⁴ Там же. С.229-230.

³⁵ Там же. С.234.

А.Е.Преснякову, определяется *"свойством личности, и притом не природой ей данное, а выработанное исторически в культурной эволюции"*³⁶. Что касается нации, то основной её чертой А.Е.Пресняков считал *"волю к общей политической жизни, стало быть, явление коллективной психики данного населения"*³⁷.

Как учёного, А.Е.Преснякова всегда отличало критическое отношение к своим предшественникам. Не был в этом отношении исключением и его университетский курс. Уже буквально с первых страниц его текста А.Е.Пресняков выражает решительное несогласие как с теми, кто рассматривал киевский период русской истории как прямое преддверие владимирского, московского и петербургского периодов (В.О.Ключевский, П.Н.Милюков), так и с их оппонентами из числа украинских историков-националистов (М.С.Грушевский), пытавшихся доказать, что единственным наследником Киевской Руси (через Русь Галицко-Волынскую, Литовско-Русское государство и Речь Посполитую) является современная нам Украина. Не разделяя крайностей своих коллег, А.Е.Пресняков предлагал рассматривать киевский период как пролог не южно-русской, а общерусской истории, распавшейся затем на два *"самостоятельных, равносильных и параллельных отдела: историю Западной Руси и историю Руси Северо-Восточной"*³⁸, приближаясь, таким образом, к современным представлениям нашей историографии о Киевской Руси как общей колыбели трёх братских славянских народов: русского, украинского и белорусского.

Логичным продолжением курса лекций А.Е.Преснякова по истории Киевской Руси стали его лекции по истории Северо-Восточной и Западной Руси XIII-XV веков, а также Московского государства. Первым по времени из них был прочитан А.Е.Пресняковым (1908-1909 и 1909-1910 академические годы) курс лекций по истории Западной Руси и Литовско-Русского государства. О том, насколько серьёзно отнёсся А.Е.Пресняков к поручению факультета, свидетельствует, в частности, факт его заграничной командировки летом 1908 года, полученной от университета, в Краков и Львов для работы в тамошних библиотеках и архивах³⁹.

Красной нитью, проходящей через весь курс А.Е.Преснякова по истории Западной Руси, является его твёрдое убеждение, что *"политические судьбы и культурная жизнь Юго-Западной и Северо-Восточной Руси с XIII по XVII века развиваются независимо друг от друга; их общение — чисто внешнее и может быть без особой натяжки подведено под понятие отношений между различными народностями"*⁴⁰.

³⁶ Там же. С.7.

³⁷ Там же. С.8.

³⁸ Там же. С.10.

³⁹ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.9403. Л.16.

⁴⁰ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т.2. Вып.1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С.11.

Начинал свои лекции по истории Западной Руси А.Е.Пресняков с главы, посвящённой распаду Древнерусского государства, после чего переходил к последовательному обзору истории Волынской и Галичской земель, Литвы времён князей Миндовга и Гедимина, борьбы за Галицко-Волынское наследство и сложения Литовско-Русского государства в XV веке. Много места уделил в своём курсе А.Е.Пресняков и истории магнатства и шляхетства в Литовско-Русском государстве, а также обстоятельствам заключения в XVI веке литовско-польской унии. Широко освещена автором и борьба великих князей литовских против Тевтонского и Ливонского орденов. Не обошёл он и вопросы социально-экономических и правовых отношений в Литовско-Русском государстве.

Принципиально важное значение имеет здесь вывод А.Е.Преснякова о том, что социально-политическое развитие русских земель Великого княжества Литовского (Полоцкая, Витебская, Смоленская, Киевская, Волынь и Подолия) происходило на почве древнерусской традиции. Заменяя в этих землях русских князей литовскими, *“новая литовская власть вступала в наследие русской княжеской власти, не изменяя по существу местного строя социальных отношений и управления”*, — считал А.Е.Пресняков⁴¹.

Проследив процесс образования территории Литовско-Русского государства в XIV веке, А.Е.Пресняков приходит к следующему выводу. *“Политическое творчество литовских князей создало Великое княжество Литовское, государственное ядро которого составляли собственно Литва (без Жмуди) и Чёрная Русь. К этому ядру тесно примкнули так называемая Литовская Русь (Минск), Подляшье (Берестье-Дорогичин) и Полесье (Пинское)”*. Это, по А.Е.Преснякову, и было, собственно, коренное ядро литовских владений. Что же касается Полоцка, Витебска, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской и Жмудских земель, то их, по его мнению, следует признать скорее областями то большего, то меньшего влияния литовского политического центра, чем центральной частью Литовского государства⁴².

Характерно, что А.Е.Пресняков не поддержал распространённую точку зрения на Люблинскую унию как на польское насилие над Литвой, якобы загнанной обстоятельствами в тупик, и постарался показать, что движущей силой унии были не только поляки, но и литовско-русская шляхта. *“Она в наших источниках выступает, видимо, единодушной сторонницей возможно тесного соединения с Польшей”*, — отмечает он⁴³.

Конечно же, после 1917 года о том, чтобы читать в университете курс по истории Литовско-Русского государства, казалось бы, нечего было и думать. И тем не менее, курс такой в 1926 году А.Е.Пресняков всё-таки прочёл. По крайней мере, в личном деле А.Е.Преснякова сохранилось его отношение в Прези-

---

⁴¹ Там же. С.110.

⁴² Там же. С.72-73.

⁴³ Там же. С.223.

диум ЯМФАКА от 6 марта 1926 года: *“Прошу разрешить приступить со среды 10 марта к занятиям по истории Литовско-Русского государства с группой студентов ПЛО, специально изучающих литовский язык и культуру”*⁴⁴.

Дальнейшим развитием идей, высказанных А.Е.Пресняковым в его университетском курсе по истории Киевской Руси, стали лекции по истории Руси Северо-Восточной (курс 1911-1912 гг.)⁴⁵, Московского государства (курс 1912-1913 гг.)⁴⁶ и истории русского права⁴⁷ (последний был прочитан им на Высших Женских курсах, где он стал преподавать после смерти в 1908 году Н.П.Павлова-Сильванского). Особо следует подчеркнуть, что разработка этих курсов, потребовавшая от него немалых усилий, протекала в самой непосредственной связи с подготовкой им своей докторской диссертации *“Образование Великорусского государства”* (Пг., 1918). Необходимой предпосылкой, позволившей А.Е.Преснякову взяться за столь ответственную тему, стали, по его собственным словам, *“многoletние занятия в области источниковедения над изучением летописных сводов”*⁴⁸.

Начало работы А.Е.Преснякова над ней относится ещё к 1910 году, т.е. практически сразу после защиты им в 1909 году магистерской диссертации, причём тему исследования подсказал ему, судя по всему, С.Ф.Платонов. *“Я рискнул объявить на будущий год, — пишет ему А.Е.Пресняков 2 апреля 1910 года, — историю Московского государства — первую её половину: пересмотр “удельного порядка” владения (в направлении, намеченном в статье “Иван III на Угре”), которая не только посвящена Вам, но и появилась в сборнике по Вашему указанию. Вы мне её указали как статью, которую давно надо напечатать для сборника Ключевскому. Это продолжение соответственных параграфов моей книжки (опять по Вашему указанию ... Вы как-то мне сказали, что напрасно я не продолжил анализа междукняжеских отношений в московское время, ибо там та же основа) и их пересмотра применительно к дальнейшей эволюции. “Собирание власти” как переход от её дробления — в отношении к территории и населению — к новой единой державной государственности ... Потребность отдыха и освежения соединилась с желанием понять кое-что в истории Франции (систему апанжей — уделов королевской семьи, французского собирания власти и сравнением Генеральных штатов ... с Земскими соборами)”*⁴⁹.

В письме к С.Ф.Платонову от 21 июня 1916 года из Тульской губернии, где А.Е.Пресняков проводил свой летний отпуск, он сообщает ему о своих розыс-

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.9403. Л.106.

⁴⁵ Архив СПб. ф. ИРИ РАН. Ф.193. Оп.1. Д.6-7.

⁴⁶ Там же. Д.10-11.

⁴⁷ Там же. Д.12.

⁴⁸ Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под названием *“Образование Великорусского государства”*. Пг., 1920. С.7.

⁴⁹ Пресняков А.Е. — Платонову С.Ф. 2.04.1910 // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3945. Л.5-5об.

каниях по теме диссертации в московских архивах. *“С Москвой я распрощался, хотя и не всего там добился, чего хотелось бы. Синодальная библиотека оказалась запертой до августа и Попов в отпуску. В отпуску и Георгиевский, и поэтому я в Румянцевском музее не всё получил ... Жаль, что медленно пишу. Старость — не радость. Недаром меня на йод посадили”*⁵⁰.

Надо сказать, что в отличие от диссертации о княжом праве, докторская диссертация далась А.Е.Преснякову, судя по всему, не так легко, и потребовала от него предельной мобилизации всех его интеллектуальных возможностей. *“Дорогой Сергей Фёдорович. Спасибо на добром слове. Боюсь только, что не скоро доставлю Вам затруднение своей книгой, — писал А.Е.Пресняков своему учителю в письме от 11 августа 1916 года. — Пишу с усердием, на какое мозгов хватает. Но удаётся писать только в первую половину дня, а затем справляться с изложением — уже пороку не хватает. Как-то быстро сразу глупею на 50% и больше. Поэтому приеду в Петроград не с рукописью, готовой для печати, а с её приблизительно половиной. Тем более, что трудно было предусмотреть, какие издания понадобятся для справок, и не всё нужное под рукой. Приходится оставлять кое-где лакуны, которыми займусь уже дома ... Употреблю всякое умение, чтобы изложение не было подобно неуклюжему тексту “Княжого права”*”⁵¹. Подготовка диссертации отягощалась большой педагогической нагрузкой А.Е.Преснякова в университете и Педагогическом институте. *“По приезду в Петроград, — писал он С.Ф.Платонову, — меня ожидает целый калейдоскоп тем преподавания: XIX век, XVII век, Литовско-Русское государство и история русского искусства”*⁵². Тем не менее, уже в 1918 году диссертация А.Е.Преснякова была не только готова, но и увидела свет⁵³. Кроме того, диссертация А.Е.Преснякова была опубликована в 1920 году в “Летописи занятий Археографической комиссии” за 1917 год.

“Немного в этой книге “нового”. Она трактует тему, достаточно избитую, на основании материала, давно изданного, общеизвестного”, — так несколько необычно начинает А.Е.Пресняков свою работу, хорошо, вместе с тем, понимая, что задача его диссертационного исследования заключается как раз в обратном: дать именно “новое”, причём не только на старом, общеизвестном материале, но и на материале новом, неизвестном. Однако далее выясняется, что парадоксальный “зачин” А.Е.Преснякова — это не более, чем литературный приём, ибо новым у него оказывается если не всё, то довольно многое, и прежде всего, необычная для диссертации постановка проблемы: “восстановить, по возможности, права источника и факта” в представлении об одном из важнейших явлений русской истории — образовании Вели-

⁵⁰ ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3954. Л.25об.

⁵¹ Пресняков А.Е. — Платонову С.Ф. 11.08.1916 // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3945. Л.27.

⁵² Там же. Л.27об.

⁵³ Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII-XV столетий. Пг., 1918.

корусского государства. Оказывается, поясняет нам А.Е.Пресняков, что *“ранняя история Северо-Восточной Руси стала в нашей историографии жертвой теоретического подхода к материалу”*, в результате чего данным первоисточников отводилась роль *“иллюстрации готовой не из них выведенной схемы”*. Поэтому, с одной стороны, немало этих данных, не подходивших к принятым схемой положениям, осталось вне поля внимания историков, вне их обобщений, а с другой стороны, обобщающие схемы не считались с хронологической последовательностью основных явлений изучаемой эволюции и разрывали подлинную связь их между собой⁵⁴.

Правда, роль самого А.Е.Преснякова, предпринявшего попытку полнее использовать фактический материал при некотором внимании к хронологии, выглядит, на первый взгляд, более чем скромно. Но это, конечно, не так, ибо в результате попытки этой меняется *“вся перспектива эпохи и представления о характерных её чертах”* и на первый план выдвигается сила великокняжеской традиции. Совершенно в ином свете по сравнению с предшественниками А.Е.Преснякова предстаёт перед нами и понятие *“удела”*, вотчинного княжения, да и всей эволюции междукняжеских отношений в целом⁵⁵.

Но не только в освещении событий и в выводах автора проявился новаторский характер диссертации А.Е.Преснякова. Новаторским оказался и его подход к источниковой базе исследования: княжеские духовные и договорные грамоты и русские летописные своды XIV-XV веков. Первые из них А.Е.Пресняков попытался рассмотреть в связи с условиями, их породившими, а вторые, т.е. московские летописные своды, с обязательным учётом их типов и редакций и создавших их *“тенденций и книжнических точек зрения”*⁵⁶.

Сама диссертация состоит из обширного *“Введения”* (*“Историографические заметки”* и *“Ростово-Суздальская земля в XII-XIII веках”*) и десяти глав: *“Владимирское великое княжение и вотчинные княжества в XIII веке”*, *“Борьба Твери и Москвы за великое княжение всея Руси”*, *“Великокняжеская политика Ивана Даниловича Калиты”*, *“Московская вотчина потомков Калиты”*, *“Тверская отчина потомков великого князя Михаила Ярославича”*, *“Рязанское великое княжество”*, *“Нижегородское великое княжество”*, *“Великокняжеская политика потомков Калиты”*, *“Крушение удельно-вотчинного строя”*, *“Собирание власти”*.

Несмотря на демонстративное ограничение своей задачи восстановлением прав источника и факта, уже сама широта темы, избранной автором, связь её с его прежним исследованием о княжеском праве и, наконец, те общие выводы, к которым пришёл он в своей диссертации — всё это ясно указывает на то, что А.Е.Пресняков уже изначально отнюдь не сводил свою задачу к простому изучению отражения интересующих его явлений в источниках, а стремился пойти гораздо дальше в использовании материала источников в надеж-

⁵⁴ Там же. С. V.

⁵⁵ Там же. С. V.

⁵⁶ Там же. С. VI.

де представить на суд читателя своё собственное представление о процессе складывания Русского государства в XIII-XV веках.

И действительно, ближайшее знакомство с диссертацией показывает, что такое представление или схему А.Е.Пресняков нам действительно даёт, хотя он считал, что его схема, в отличие от схемы Соловьёва-Ключевского, не накладывается им на источники, а как бы вытекает из них.

Образование Великорусского государства, а не возвышение Москвы, не органический процесс разрастания княжеской вотчины в государство, а сложное и изменчивое сплетение внешних интересов и отношений великорусской народности, приведшее к сплочению её вокруг одного из центров борьбы за национальные интересы, объединение Великороссии великими князьями московскими путём собирания не земли, а власти — вот основной смысл книги А.Е.Преснякова в его самом общем виде.

До А.Е.Преснякова историки (В.О.Ключевский) резко противопоставляли характер княжеского владения киевского и княжеского владения удельного периодов. Считалось, что в Киевской Руси господствовало совместное родовое владение князей. На Северо-Востоке же, где до появления князей и первых переселенцев была “пустыня”, сложилась принципиально иная картина господства частной формы вотчинного владения князей землёй⁵⁷. Удельные порядки быстро привели к раздроблению наследия Всеволода Большое Гнездо на множество мелких вотчин, пока московские Даниловичи не начали последовательный процесс собирания земель в одно целое, — считал В.О.Ключевский⁵⁸.

А.Е.Пресняков оспорил это утверждение. Никакого нового права собственности князей на землю из факта колонизации Северо-Восточной Руси вывести нельзя, считал он. Семейно-вотчинные разделы волостей княжений во Владимиро-Суздальской Руси были всего лишь продолжением семейно-вотчинных разделов Руси Киевской. Удельные порядки Северо-Восточной Руси XIII-XIV веков были не так уж и далеки от политических порядков времён Руси Киевской. Идея Великого княжения Владимирского, за которое боролись русские князья XII-XIII веков, по сути своей была, доказывал он, продолжением старой политической традиции Киевской Руси — идеи так называемого княжого старейшинства “в отца место”⁵⁹.

В центре внимания А.Е.Преснякова, как это было и в его магистерской диссертации, оказалась эволюция великокняжеской власти, воплощённая после распада Киевской Руси в идею Великого княжения Владимирского. Однако будущего у этой общерусской великокняжеской власти, отмечает А.Е.Пресняков, уже не было, так как в результате владельческого обособления сложившихся местных вотчинных князей и образования отдельных великих княжеств:

⁵⁷ Ключевский В.О. Сочинения в 8 томах. Т.1. М., 1956. С.349.

⁵⁸ Ключевский В.О. Сочинения. Т.2. М., 1957. С.5.

⁵⁹ Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII-XV столетий. Пг., 1918. С.47.

Московского, Тверского, Нижегородского, Рязанского и создания внутри них удельных владений, она лишилась *“надлежащей территориальной базы; её главенство — чисто политическое, и в этом залог её слабости и упадка”*⁶⁰. Сказывалась и подчинённость Владимирских великих князей Золотой Орде, не позволявшая им осуществлять сколько-нибудь широкую общерусскую политику: *“татарское владычество почти парализовало проявление великорусской энергии”* в наступлении на Юг и Восток⁶¹ и *“несомненно сыграло крупную роль в развитии упадка великокняжеской власти”*⁶².

Процессы дальнейшей политической эволюции Великороссии: дробление территории и власти с одной стороны, и работа сил и тенденций, направленных на усиление политического единства — с другой развивались, по мнению А.Е.Преснякова, не последовательно, как считали его предшественники, а параллельно, в непрерывном *“борении и взаимодействии”*. Именно этим борением и взаимодействием и определялся в разные исторические моменты внутренний строй Владимирского великого княжества. Образование же мелких вотчинных мини-княжеств как следствие дробления наследственных владений в потомстве Всеволода III — явление сравнительно позднее, пришёл к выводу А.Е.Пресняков⁶³.

Падение значения великокняжеской власти в конце XIII — начале XIV веков открывает новый период в русской истории, основным содержанием которого становится борьба между князьями за верховную власть на Руси или, говоря другими словами, борьба за *“Владимирское наследство”*. Прочные позиции московских князей в этой борьбе заложил Иван Калита. Мешала же их объединительным усилиям удельная система, под которой А.Е.Пресняков понимал доленое владение в общей вотчине несколькими князьями-отчичами по духовной отца, что вело к распаду княжения на мелкие вотчинные княжества. К счастью, преобладающей оказалась всё же другая, противоположная тенденция, связанная со стремлением сохранить *“единство московского княжения”*⁶⁴.

Дело объединения Великороссии, начатое Иваном Калитой, с успехом было продолжено его преемниками, в результате чего уже при Иване III и возникло Великорусское государство, сложившееся путём *“слияния Московской вотчины с Владимирским великим княжением в единую вотчину московских государей”*⁶⁵. На основании большого фактического материала А.Е.Пресняков тщательно проанализировал междукняжеские отношения и основные линии внешней политики московских великих князей, роль православной церкви в процессе объединения русских земель. Особое значение придавал он церковно-политической деятель-

⁶⁰ Там же. С. 64.

⁶¹ Там же. С. 66.

⁶² Там же. С. 64.

⁶³ Там же. С. 457.

⁶⁴ Там же. С. 177.

⁶⁵ Там же. С. 458.

ности митрополита Алексея (ум. в 1378 году), в котором общерусская великокняжеская власть нашла энергичного и даровитого союзника⁶⁶.

Предшественники А.Е.Преснякова выводили обычно политику Ивана Калиты и его потомков из вотчинных, частновладельческих интересов московских князей. А.Е.Пресняков решительно отодвинул на второй план проблему частновладельческого “собрания земли” Иваном Калитой и его потомками. На первом плане у него оказалось собрание ими не земли, а власти, в развитие и осуществление стародавней традиции о патриархальном великом княжении “в отца место”. *“Сосредоточение всей власти в руках московского государя, — пришёл к выводу А.Е.Пресняков, — достигнуто путём фактической ломки и принципиального отрицания силы обычного права в пользу вотчинного самодержавия”*⁶⁷.

*“В пылу полемики, — заметил в этой связи А.Л.Шапиро, — историк, пожалуй, не был до конца объективным: собрание земель московскими князьями в действительности играло немалую роль в укреплении могущества Москвы и отрицать его не следовало. Но Пресняков оказался прав, когда не согласился с трактовкой первых московских князей как людей, руководствовавшихся вотчинными, частновладельческими, а не политическими интересами”*⁶⁸.

Выход в свет в 1918 году монографии А.Е.Преснякова поставил в практическую плоскость непосредственную подготовку его докторского диспута. Характерно, что при утверждении оппонентов в заседании Совета Историко-филологического факультета Петербургского университета 24 января 1918 года произошло неприятное столкновение С.Ф.Платонова с профессором Н.И.Кареевым, заявившим, что *“подбор оппонентов уже был предreshён за спиной факультета”*. С.Ф.Платонов был возмущён и он тут же заявил декану факультета Ф.А.Брауну, что *“совершенно устраняется от диспута”*⁶⁹. Однако что-либо менять было уже поздно и диспут А.Е.Преснякова всё же состоялся с участием С.Ф.Платонова. Произошло это 15 (28) апреля 1918 года. В качестве официальных оппонентов на диспуте выступили заслуженный профессор С.Ф.Платонов и ординарный профессор С.В.Рождественский⁷⁰.

Сама процедура защиты происходила в 5-й аудитории Историко-филологического факультета. *“Густая толпа, — свидетельствовал репортёр “Нового вечернего часа”, — заполнившая проходы и стоявшая в дверях с напряжённым вниманием следила за диспутом, бывшим — не в пример прочим официальным торжествам этого рода — и интересным, и оживлённым”*⁷¹. И это несмотря на домашний, казалось бы, характер защиты А.Е.Преснякова, в качестве оппонентов на которой выступили его коллеги по кафедре.

⁶⁶ Там же. С.307-317.

⁶⁷ Там же. С.458.

⁶⁸ Шапиро А.Л. Историкография древнейших времён до 1917 года. М., 1993. С.644.

⁶⁹ Платонов С.Ф. — Брауну Ф.А. Январь 1918. Черновик // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1726. Л.1.

⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.9403. Л.51.

⁷¹ Новый вечерний час. 1918, 1 апреля.

“Простой обзор, возможно внимательный и полный, подлинного фактического материала, какой нам дают историки, приводит к любопытному и научно ценному выводу: господство теоретических построений в нашей историографии привело к такому одностороннему подбору данных, при котором отпадало из их комплекса всё, что не годилось для иллюстрации установленной схемы, не подтверждало её предпосылок; пострадало при этом и критическое отношение к источникам”, — заявил в своём выступлении на диспуте А.Е.Пресняков. “Моя книга пытается расчистить пути для более реального понимания нашего прошлого. Учёная критика отделит в ней пшеницу от плевел. В науке, как жизни, всё минется, одна правда останется”⁷².

Первым из официальных оппонентов выступил С.Ф.Платонов, сделавший упор на источниковедческих достоинствах представленного труда и назвавший А.Е.Преснякова, между прочим, *“величайшим после А.А.Шахматова знатоком летописного материала”⁷³*. Основной критический разбор диссертации А.Е.Преснякова дал, по взаимному соглашению, в своём отзыве С.В.Рождественский.

Прежде всего, он оспорил утверждение А.Е.Преснякова, что история Северо-Восточной Руси якобы стала жертвой “схемы”, т.е. теоретического подхода к историческому материалу со стороны его предшественников. *“Во всех этих замечаниях, — заявил С.В.Рождественский, — много верного и метко схваченного. И тем не менее, читатель не выносит впечатления, что история Северо-Восточной Руси стала жертвой схемы, которая уже около полувека залегает как магистраль всего развития русской исторической науки. Из тех же критических замечаний автора не видно, каким бы иным, более нормальным, по его мнению, путём могла бы подойти наука в определённых условиях к изучаемому вопросу. В каком беспомощном положении оставалась бы наука без тех схем и тех теоретических подходов, в которых автор односторонне усматривает источник рокового заблуждения”⁷⁴.*

Предпринятая же А.Е.Пресняковым попытка проверки господствующей схемы образования Великорусского государства Соловьёва-Ключевского критическим анализом соответствующего материала не нашла у С.В.Рождественского должного понимания и поддержки. Было бы гораздо более правильным, заявил он, если бы вместо этой проверки критикуемой им схемы А.Е.Пресняков попытался бы перенести вопрос на *“новое теоретическое основание”*, как это сделал в своё время Н.П.Павлов-Сильванский⁷⁵. *“Ещё не изжита, видимо, — заявил С.В.Рождественский, — потребность в теоретических подходах к основным*

⁷² Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием “Образование Великорусского государства”. Пг., 1920. С. 10.

⁷³ Новый вечерний час. 1918, 1 апреля.

⁷⁴ Рождественский С.В. (Рец.) Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства // Русский исторический журнал. 1918. Кн.5. С.281.

⁷⁵ Там же. С.281.

явлениям нашей истории и обобщающих эти явления схемах”, хотя, понятное дело, ценность таких схем, и здесь С.В.Рожественский полностью был согласен с А.Е.Пресняковым, должна определяться не только обоснованностью их теоретического фундамента и красочностью фактических иллюстраций, но и *“точным по возможности соответствием исчерпывающей полноте конкретного, критически проверенного материала”*⁷⁶.

Не согласился С.В.Рожественский и с основным выводом А.Е.Преснякова о том, что объединение Великороссии под властью московских великих князей совершено было путём собирания не земли, а власти, в развитие и осуществление стародавней традиции о патриархальном великом княжении “в отца место”. Реальная сила власти московских князей покоилась, конечно же, не на этой патриархальной традиции, а на земельной, вотчинной основе. Чем больше вырастал московский князь в вотчинного государя над всей Великороссией, чем круче расправлялась непосредственная великокняжеская власть с вотчинной же властью поместных князей, тем меньше оставалось места для патриархальной традиции о власти “в отца место”. *“Не стоит ли, — заявил он, — на более правильной точке зрения Ключевский, признающий параллелизм и взаимную обусловленность обоих процессов, создававших политическое и национальное значение Московского княжества?”*⁷⁷ Соотношение того и другого осталось, по мнению С.В.Рожественского, в труде А.Е.Преснякова так и не выясненным.

Не поддержал он и ряд других, более мелких наблюдений А.Е.Преснякова, в частности, выдвинутое им определение удела как доли князя в общей с братьями вотчине, полученной по духовной отца. Справедливость точки зрения Ключевского, рассматривавшего удел как наследственную вотчину князя, юридически сближавшуюся с частной, боярской вотчиной, не подлежит сомнению, заявил он⁷⁸.

Главное достоинство труда А.Е.Преснякова С.В.Рожественский увидел не в предложенной им схеме образования Великоорусского государства (собирание не земли, а власти и прочее), которая ему показалась неубедительной, и не в прокламируемом им тезисе восстановления якобы погрязших его предшественниками прав источника и факта, а в конкретной исторической разработке ряда узловых вопросов заявленной темы. На первое место среди них С.В.Рожественский поставил разработку А.Е.Пресняковым истории внешних сношений Великороссии до конца XV века с Византией, восточными инородцами, борьбы с татарами, литвой, немцами⁷⁹. Ценным приобретением науки признал он и в целом удачную попытку А.Е.Преснякова по разрешению вопроса: почему всё таки из нескольких политических центров именно Москве суждено было взять верх и приобрести роль первостепенного политического и стратегического ядра

⁷⁶ Там же. С.282.

⁷⁷ Там же. С.289.

⁷⁸ Там же. С.286-287.

⁷⁹ Там же. С.283.

Великороссии (т.е. причин возвышения Москвы). *“Не дав здесь существенно нового, сравнительно с его предшественниками”*, А.Е.Пресняков, по мнению С.В.Рождественского, сумел, в отличие от них, дать эти причины не *“в искусственно систематизированной характеристике”*, а в *“конкретной перспективе определённых политических моментов”*⁸⁰.

Высокую оценку дал С.В.Рождественский и содержащемуся в книге А.Е.Преснякова очерку церковно-политических сношений Московского государства. Особенно удачно обрисовал, по его мнению, А.Е.Пресняков роль митрополита Алексия, впервые вписавшего в политику московских князей церковно-религиозное и, тем самым, национальное содержание. Что касается истории боярства, то здесь диссертанту не удалось, по его оценке, добавить что-либо новое по сравнению с предшественниками, ни с точки зрения фактов, ни с точки зрения выводов.

*“Книга А.Е.Преснякова, — заявил в заключение С.В.Рождественский, — крупное приобретение для нашей историографии. Если ему и не удалось поколебать в основаниях господствующего построения в истории Северо-Восточной Руси XIII-XV веков, то достаточно существенные результаты в критике известной односторонности этого построения, в образцовой проверке фактического материала, выдвинутые автором новые точки зрения на характер развития великокняжеской власти, на природу удельного владения должны оживить внимание историков к этим капитальным вопросам нашей древности”*⁸¹.

Критическое отношение в отзыве С.В.Рождественского (фактически, это был их общий отзыв с С.Ф.Платоновым) к выдвинутому А.Е.Пресняковым тезису о приоритете прав источника и факта в свете попыток некоторых историков⁸² представить его в качестве чуть ли не основного признака петербургской исторической школы, принципиально важно. Парадоксально, но факт: ни С.Ф.Платонов, ни его ученики взглядов А.Е.Преснякова в этом вопросе не разделяли. Не разделяли его и другие историки и юристы, напрямую не связанные со школой С.Ф.Платонова.

Характерен в этом отношении юрист И.И.Яковкин. *“Призывы к будничной работе по накоплению фактов, к боязливой предубеждённости против всякой теории и схем, — резонно заявил он, — не раз уже раздавались и в исторической, и в экономической науке. Но на деле, как известно, права факта всегда приводили (да, по существу, и не могли не приводить) к тому, что восстановленный в мнимых правах факт поработал совершенно того, кто так заботился об его восстановлении, и вытраивал без остатка всякое представление об историческом процессе развития”*⁸³. Более того, попытка

⁸⁰ Там же. С.285.

⁸¹ Там же. С.289-290.

⁸² Панеях В.М. Борис Александрович Романов // Историческая наука в России в XX веке. Отв. ред. Г.Д.Алексеева. М., 1997. С.438.

⁸³ Яковкин И.И. (Рец.) Пресняков А.Е. Образование Великокорусского государства. Он же. Московское царство. Пг., 1918 // Дела и дни. Исторический журнал. 1920. Кн. I. С.443.

буквального следования А.Е.Пресняковым провозглашённом им методологическому принципу отрицательно сказалась, по мнению И.И.Яковкина, на его труде, предопределив, в конечном счёте, очевидную бедность и недостаточность его аналитической части. *“Благодаря этому, — заявил он, — книга может не дать всего того, что она в состоянии дать”*⁸⁴.

Но это то, что относится к научной оценке диссертации А.Е.Преснякова. Но исторические труды — это не только и не всегда наука. Есть у них и другая, общественно-политическая сторона. Не избежала этого и диссертация А.Е.Преснякова. В условиях происходившего на глазах у всех распада Российского государства обращение диссертанта к периоду, когда напротив, оно ещё только создавалось и крепло, неожиданно приобрело определённое общественно-политическое звучание. *“Переживаемое нами время, когда Россию хотят замкнуть в рамках Московского государства, бывшего государством только великорусским, без Малой и Белой Руси, книга А.Е.Преснякова получает особый интерес”*, — заявил в своей рецензии в газете “Наш век” профессор Н.И.Кареев⁸⁵. В этом же ключе отозвался на работу А.Е.Преснякова и профессор-юрист П.И.Люблинский. В наше время *“перед русской землёю, — отметил он, — стоит та же задача собирания власти, распавшейся на множество если не княжеств, то республик. И если мы желаем избежать того, чтобы собирание такое было совершено “лютым мечом” иноземного государя или “грозной рукою” будущего самодержца, то должны глубоко призадуматься над другими способами этого объединения”*⁸⁶.

К докторской диссертации А.Е.Преснякова тесно примыкает и его небольшая книга (139 страниц) “Московское царство”, вышедшая в свет в том же 1918 году. Здесь он, в отличие от диссертации, попытался дать более широкую панораму истории Великороссии, причём не только XV, но и XVI и XVII веков. Народная жизнь Великорусского Севера, образование Великорусского государства, вотчинное самодержавие, великорусское боярство, церковь и государство Московской Руси, судьбы вотчинного землевладения, государевы служилые люди, государевы тяглые сироты, государственный строй Московского царства, Московское царство и Российская империя — таков круг затронутых им здесь тем. Однако наибольший интерес здесь представляют не отдельные частные наблюдения А.Е.Преснякова, в принципе уже известные нам по его предыдущим работам, а развиваемый им здесь т.н. общий взгляд на историю допетровской Руси или, иначе говоря, его схема или концепция русской истории.

На особую оригинальность она, впрочем, не претендует, так как, вслед за С.М.Соловьёвым и В.О.Ключевским, история России для А.Е.Пресняко-

⁸⁴ Там же. С.443.

⁸⁵ Кареев Н.И. (Рец.) Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918 // Наш век. 1918, 1 (14) апреля. С.6.

⁸⁶ Люблинский П.И. (Рец.) Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918 // Новый вечерний час. 1918. 1 апреля.

ва — это *“история колонизируемой страны”*⁸⁷, с чем, собственно, и связаны её несчастья: элементарность хозяйственной жизни, подвижность населения, экстенсивность хозяйства.

Более того, даже само возникновение Великорусского государства А.Е.Пресняков ставит в связь именно с колонизационным движением русского народа или, вернее, с теми препятствиями, которые возникли на этом пути в XIII-XV веках. *“В XIII-XV столетиях, — отмечает он, — население Северной Руси оказалось в таких политико-географических условиях, которые сильно затормозили, замкнули его в определённой, более или менее, территории”*⁸⁸ — вот, по А.Е.Преснякову, одна из важнейших предпосылок образования Великорусского государства. Другими словами, если бы не враги русского народа, которые наседали в XIII-XIV веках на него со всех сторон, своего государства у него могло бы и не быть. Однако оно, к счастью возникло, причём ведущая роль здесь принадлежала, подчёркивает А.Е.Пресняков, московским князьям, так как уже в 30-е годы XV века именно Москва взяла на себя задачу постепенного усиления центральной великорусской власти и объединения Северной Руси.

Основой же её притязаний на господство в русской земле была, по его мнению, необходимость *“объединения в распоряжении одного центра боевых сил страны и её материальных средств на организацию самообороны и борьбы за свободу внешних путей, необходимых для развития народнохозяйственной жизни”*⁸⁹.

В сущности говоря, выдвинув на первый план патриархально-вотчинное владение над всей территорией Великого княжения Владимирского, великокняжеская власть воскрешала тем самым по своему понятию традицию старейшинства среди русских князей *“в отца место”*, до крайней степени воплощённую в представлении о великом князе как *“государе над всеми государями Русской земли”*⁹⁰. Завершение же начавшейся ломки старого удельно-вотчинного порядка и собиране власти приходится уже на княжение Ивана III, упразднившего былую самостоятельность крупнейших областных политических единиц и обратившего Великороссию *“в своё единоедержавное вотчинное государство”*⁹¹.

В XVI веке, отмечает А.Е.Пресняков, царская власть усиливается до полного самодержавия, уничтожая самостоятельное государственное значение и церкви, и боярства⁹². Политическое здание Московского царства, утверждал он, строилось на самодержавном владении над всеми силами и средствами страны⁹³, и знаменитое закрепощение крестьян в конце XVI века — всего лишь одно из проявлений *“глубокого закрепощения всех разрядов населения”*⁹⁴.

⁸⁷ Пресняков А.Е. Московское царство. Пг., 1918. С.10.

⁸⁸ Там же. С.17-18.

⁸⁹ Там же. С.23.

⁹⁰ Там же. С.28.

⁹¹ Там же. С.28-29.

⁹² Там же. С.114.

⁹³ Там же. С.109.

⁹⁴ Там же. С.108.

Опорой вотчинной самодержавной монархии (здесь А.Е.Пресняков идёт за С.Ф.Платоновым) стали средние слои русского общества — носители рядовой службы и мелкого служилого землевладения, которые много помогли ей в столкновениях с охранительной инерцией боярства, заинтересованного в сохранении правовых гарантий “старины и пошлины” в области суда и управления. Построенное, таким образом, на началах вотчинной монархии государство, заметное преобладание и быстрое развитие в котором в результате Смуты начала XVII века получило “приказное начало”, быстро эволюционировало во второй его половине в направлении к “полицейскому государству” XVIII века с системой просвещённой опеки власти, во имя “общего блага”, над всеми сторонами жизни общества.

Борьба за торговые и колонизационные пути быстро вывела государство за пределы его этнографических границ и Великороссия вступает на путь создания “Великой России”⁹⁵. В результате уже в XVII веке в борьбе за Малороссию она “теряет свой иконный областной национальный характер” и вступает на путь перерастания в государство Всероссийское. Московское царство сменяется Российской империей⁹⁶.

Такова схема А.Е.Преснякова. Основу её составляют положения, высказанные им в магистерской и докторской диссертациях, которые он постарался вписать в “Московском царстве” в т.н. “общие места” либеральной историографии (закрепощение сословий, вотчинный характер русского самодержавия, “средние классы” как опора самодержавия, полицейское государство XVIII века). Конечно, против общих мест никто не спорил, но против личных наблюдений А.Е.Преснякова оппоненты (М.А.Дьяконов⁹⁷, И.И.Яковкин⁹⁸), как и в случае с его докторской диссертацией, по-прежнему возражали. Правда, И.И.Яковкин, отметив недостаточную убедительность основных выводов А.Е.Преснякова, находил, вместе с тем, что “после штудирования “Образования Великорусского государства” эта замечательно написанная книжка (“Московское царство” — Б.В.) читается с каким-то особым интересом”⁹⁹. Менее снисходительным к этой стороне очерка А.Е.Преснякова оказался академик М.А.Дьяконов. “За крупными стежками, какими он набросан, часто не виден тщательный узор вышивки; читатель нередко не найдёт желательного мелкого отдельного рисунка и не один раз останется неудовлетворённым тем, что найдёт в очерке, — заявил он. — Нельзя не признать, что общие характеристики — дело большой трудности; не всегда

⁹⁵ Там же. С. 113.

⁹⁶ Там же. С. 124.

⁹⁷ Дьяконов М.А. (Рец.) Пресняков А.Е. Московское царство. Пг., 1918 // Русский исторический журнал. 1918, №5 С. 265-269.

⁹⁸ Яковкин И.И. (Рец.) Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Он же. Московское царство. Пг., 1918 // Дела и дни. Исторический журнал. 1920. Кн. I. С. 442-480.

⁹⁹ Там же. С. 444.

они удаются и большим мастерам. Неудачные же или неясные характеристики остаются непонятными или, ещё хуже, собьют читателя с надлежащего пути. К сожалению, — подчеркнул рецензент, — в “Московском царстве” можно отметить не один пример подобных неясностей”¹⁰⁰.

Вскоре после защиты закрытой баллотировкой факультет единогласно избирает А.Е.Преснякова 21 мая 1918 года на должность штатного экстраординарного профессора университета по кафедре русской истории¹⁰¹. В Женском педагогическом институте эту должность А.Е.Пресняков получил, впрочем, ещё 30 марта 1915 года¹⁰².

Критика в адрес А.Е.Преснякова со стороны рецензентов побудила его в 1920 году вновь вернуться к затронутым в “Образовании Великоорусского государства” и “Московском царстве” вопросам. Речь идёт о его статье “Удельное владение в княжом праве Великороссии и власть московских государей”¹⁰³, содержащей завуалированную, а то и прямую полемику со своими оппонентами.

---

¹⁰⁰ Дьяконов М.А. (Рец.) Пресняков А.Е. Московское царство. Пг., 1918 // Русский исторический журнал. 1918, №5. С.265.

¹⁰¹ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.9403. Л.53.

¹⁰² Там же. Л.42.

¹⁰³ Пресняков А.Е. Удельное владение в княжом праве Великороссии и власть московских государей // Дела и дни. Исторический журнал. 1920. Кн.1. Пг. С.6-22.

Глава 3.

А.Е.Пресняков на “историческом фронте” 1920-х годов

“Образованию Великорусского государства” и “Московскому царству” суждено было стать последними крупными работами по истории Древней Руси, опубликованными А.Е.Пресняковым. “Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы”¹, “Удельное владение в княжом праве Великороссии и власть московских государей”², “Завещание Василия III”³, “Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории”⁴, “Вотчинный режим и крестьянская крепость”⁵ — вот и всё, что было написано им в 1920-е годы по истории Древней Руси. Конечно же, этого мало для учёного такого уровня, как А.Е.Пресняков. К тому же, при ближайшем рассмотрении оказывается, что статьи эти — либо сжатое изложение выводов и наблюдений предшествующих работ учёного (“Удельное владение ...”), либо пространные отклики (исключением здесь является только работа о завещании Василия III) на прочитанные и заинтересовавшие его книги: М.И.Ростовцева, Ю.В.Готье, Вильгельма Томсена, С.Б.Веселовского. Очевидно, таким образом, что в центре научных интересов Древняя Русь у А.Е.Преснякова после 1918 года, во всяком случае, уже не была. Понять это можно. После Октября 1917 года в России наступили совсем другие времена и востребованными оказались совсем другие темы, относящиеся к так называемому “новому периоду” русской истории XVIII-XIX веков, на которые и переключился теперь А.Е.Пресняков.

Востребованными в известной мере оказались в 1920-е гг. и способности А.Е.Преснякова к обобщениям аналитического характера, связанные с необходимостью критического осмысления накопленного предшествующей историографией конкретно-исторического материала в рамках разработки новой марксистской концепции отечественной истории. Большой интерес в этой связи представляла для историков-марксистов концепция русского феодализма Н.П.Павлова-Сильванского. Ценил её и А.Е.Пресняков. Достоинства этой теории он видел в том, что она *“вглубь забирает, волнует — и органически, то есть как требующая перестройки схемы русской истории, и методологи-*

¹ Пресняков А.Е. Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы // Яфетический сборник. Вып. V. Л., 1927. С. 1-22.

² Пресняков А.Е. Удельное владение в княжом праве Великороссии и власть московских государей // Дела и дни. Исторический журнал. 1920. Кн. I. Пг. С. 6-22.

³ Сборник статей по русской истории, посвящённых С.Ф.Платонову. Пг., 1922. С. 71-80.

⁴ Очерки по истории знаний. Вып. IV (Памяти В. Томсена). Л., 1928. С. 35-50.

⁵ Летопись занятий Археографической комиссии за 1926 год. Вып. I (34). Л., 1927. С. 174-192.

чески, как требующая постановки во главу угла сравнительного метода; а как только это усвоится, — заявлял А.Е.Пресняков, — то ещё и дальше цепь мыслей идёт к великой теме: *Россия и Европа*”⁶. Мировоззренческий, даже политический подтекст (в смысле либеральных кадетских взглядов А.Е.Преснякова и связанного с этим его интереса к Европе и европейским ценностям), таким образом, несомненен. Заинтересованы были, в свете теории всемирной революции, в научном подтверждении общности исторического процесса и исторических судеб России и Европы и историки-марксисты.

Правда, в дореволюционные годы, как мы знаем, несмотря на свою дружбу с Н.П.Павловым-Сильванским, на публичное признание его теории А.Е.Пресняков так и не пошёл. Однако в начале 1920-х годов, когда историографическая ситуация поменялась, он пересмотрел свои взгляды, свидетельством чего является сохранившаяся в его архиве статья 1925 года под характерным названием “*Феодализм в России*”⁷.

Здесь он не только признаёт существование феодальных отношений в Древней Руси, но и относит его зачатки к так называемому киевскому периоду русской истории X–XII веков. Во всяком случае, уже в XII веке, делает вывод А.Е.Пресняков, мы уже можем наблюдать все основные признаки феодализма: распад территории и власти, дробление её на отдельные княжества вотчинно-владельческого характера, появление вотчинного землевладения⁸. Более того, утверждает здесь А.Е.Пресняков, на Руси процесс феодализации общественных отношений, сущность которого он видел в переходе дружинных отношений в феодальные, выступает “*даже отчётливее, чем на Западе*”⁹. Естественным результатом феодализации стало экономическое обособление отдельных земель-княжений и политический распад Киевской Руси.

Второй период в развитии феодализма, по А.Е.Преснякову, это уже “*удельно-вотчинный феодализм*”, когда складываются два типа “*русской сеньории*” — вотчинные княжества и боярская вотчина¹⁰. Подчеркнув, что боярин в своей вотчине “*полноправный феодал*”, А.Е.Пресняков доказывает, вслед за Н.П.Павловым-Сильванским, полное тождество боярской вотчины западноевропейской сеньории. Много внимания уделяет он и военно-административной службе бояр и служилых людей и их обеспечению в виде кормлений, соглашаясь, впрочем, с тем, что в отличие от Западной Европы, они так и не стали наследственными, т.е., говоря его словами, “*не феодализировались до конца*”¹¹.

⁶ Пресняков А.Е. — Н.П.Павлову-Сильванскому. 30 октября 1901 г. Публ. С.В.Чиркова // АЕ за 1972 год. М., 1974. С.331.

⁷ Пресняков А.Е. Феодализм в России // СПб. ф. Архива ИРИ РАН. Ф.193. Оп.1. Д.28. Л.1-39.

⁸ Там же Л.11.

⁹ Там же Л.11.

¹⁰ Там же Л.15.

¹¹ Там же Л.25.

Концом феодальной эпохи на Руси А.Е.Пресняков считал XVI век, когда с образованием Московского государства и падением значения боярского сословия на смену ему в качестве господствующего приходит класс служилых землевладельцев — дворян и детей боярских с их более мелкими поместными и служилыми вотчинами. И как результат этого сдвига во всём строе общественных отношений — *“смена боярско-княжеского удельно-вотчинного феодализма дворянской самодержавной монархией”*. Это, по мнению А.Е.Преснякова, означало конец феодальной эпохи, хотя он и допускал возможность говорить в определённом смысле о его существовании на Руси и в более поздний период, в частности в XVII веке. Это так называемый *“новый феодализм”*. Но развивать эту идею он не стал, подчеркнув, что *“такая точка зрения не должна закрывать принципиальных отличий нового строя: крепостного хозяйства от хозяйства феодального, возвышения дворянства за счёт боярства и торжества самодержавной монархии над дроблением власти и территории в феодальном строе”*¹².

Кроме работы *“Феодализм в России”*, которая, впрочем, так и осталась неопубликованной, А.Е.Пресняковым в 1923 году была подготовлена ещё и публикация юридических и нарративных источников, посвящённых общественным отношениям Московской Руси под весьма характерным названием *“Боярский феодализм”*¹³. Впрочем, и эта работа так и не увидела свет. Видимо, всё-таки, что-то останавливало учёного. Во всяком случае, на печатное, публичное признание существования феодальных отношений в Древней Руси А.Е.Пресняков решился только в самом конце своей жизни. Его работа *“Московское государство XVI-XVII веков”*, содержащая такое признание, вышла в свет в 1930 году, т.е. уже после смерти А.Е.Преснякова¹⁴. Ничего принципиально нового по сравнению с уже рассмотренной нами статьёй *“Феодализм в России”* предпринятая им здесь попытка соединения концепции вотчинного строя Московского государства с теорией Н.П.Павлова-Сильванского и полного отказа от теории закрепощения сословий в России, которую, как мы знаем, он раньше разделял, не даёт. Заслуживает, правда, внимания его попытка нащупать в духе марксизма социально-экономическую подоплёку русского исторического процесса. Однако подняться до марксистского понимания феодализма А.Е.Пресняков, по заключению М.Б.Свердлова, так и не сумел, и в основе его представлений о нём по-прежнему оставалась теория Н.П.Павлова-Сильванского¹⁵.

Конечно же, как умеренный по своему умунастроению кадет, А.Е.Пресняков горячо приветствовал свержение самодержавия в России. *“Да, свершилось! По*

¹² Там же. Л.36-38.

¹³ Архив СПб. ф. ИРИ РАН. Ф.193. Оп.1. Д.29. Л.1-112.

¹⁴ Пресняков А.Е. Московское государство XVI-XVII веков // Книга для чтения по истории народов СССР. Под общей редакцией М.Н.Покровского. Т.1. Харьков, 1930. С.26-54.

¹⁵ Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Княжеское право в Древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993. С.586.

выражению Амфитеатрова “ сердце рычит от радости”. Какой чуждой и серой казалась прежняя жизнь после 1905-1906 гг., такой и дальнейшие годы – до великой войны и великой революции... Счастлива, кто дожил до наших дней!, – патетически восклицал он в одном из своих писем от 8 марта 1917 года, – а впереди ещё столько большого, значительного: ведь революция русская только началась и не завтра кончится. У нас жарче вашего (адресат А. Е. Преснякова жил в Москве. – В. Б.), жарче и будет. Жизнь кипит кругом, насторожённая, но тревожная. Значение Великой русской революции будет не такое, как вспыхек 1830 или 1848 годов, или подобно 1789. Она должна будет в своих последствиях получить значение новой исторической эпохи, хотя, быть может, и не в тех смыслах, как вам мечтается. Однако, переход на новые рельсы потребует много организационной работы, которая нелегка будет. Не обойдётся и без борьбы, которой не дай бог оказаться такой же скоротечной, как первая (на что я, впрочем, не очень то надеюсь). Главное, существенное, сделано, но целиком дело – только начато. Много, много ещё впереди. С нами Бог и свобода!”¹⁶

“Рухнула под ударом революции старая власть, сметаются прежние формы властного управления. Основы нового строя определит всенародное Учредительное собрание”, — отмечал он 31 мая 1917 года в газете Республиканско-демократической партии “Русская воля”. Впрочем, и без Учредительного собрания А.Е.Пресняков не только считал необходимым признать за населяющими Россию народами их право на “национально-культурное самоопределение”, но и на самоопределение “общественно-политическое” или, иначе говоря, их право на отделение от России¹⁷. Как видим, большим государственным и патриотом А.Е.Пресняков не был. Статья же его в “Русской воле” была ответом редакции этой “прогрессивной” газеты на опубликованную здесь же “Записку Украинской Центральной Рады” с слегка завуалированным требованием предоставления немедленной независимости Украине. И А.Е.Пресняков, как это видно из содержания статьи, с такой постановкой вопроса в принципе был согласен.

У нас нет данных о реакции А.Е.Преснякова на Октябрьскую революцию. Но едва ли она существенно отличалась от реакции его коллег по Петербургскому университету. “ Живём в суете, работе, хлопотах, обходимся без прислуги, стало быть, Юля чрезвычайно много работает, сводя весь труд по дому, который ухитряется-таки содержать в порядке и чистоте”, – читаем мы в одном из его писем от 16 августа 1919 года, т. е. уже при большевиках. И далее, уже правда в другом письме, все к тому же адресату В.В. Лужскому: “Живем, как на волоске висим: вот-вот остатки быта рухнут по милости большевистской “политики”, всё разлагающей и развращающей”¹⁸

¹⁶ Письма А. Е. Преснякова к В. В. Лужскому, хранящиеся в музее МХАТ// Археографический ежегодник за 2000 од., М.; 2001 , стр 269

¹⁷ Пресняков А.Е. Украинский вопрос // Русская воля. 1917, 31 мая.

¹⁸ Письма А. Е. Преснякова к В. В. Лужскому, хранящиеся в музее МХАТ// Археографический ежегодник за 2000 г., М.; 2001 , стр 268.

Впрочем, справедливости ради, стоит отметить, что неустроенность быта и внутреннее неприятие большевизма не помешали А. Е. Преснякову и его коллегам пойти на сотрудничество с новой властью. Не был в этом отношении исключением и А.Е.Пресняков. Любопытна в этом плане его статья “Обзоры пережитого”, напечатанная в 1920 году в сборнике “Дела и дни”. *“Преодоление стихийности — основная задача революционной эпохи. Из первых дней революционного взрыва навстречу этой потребности идёт упорное и жадное искание просвещения, обучения, осмысления возникших вопросов — словом, жажда “сознательности” в массе населения, впервые пробуждённой к самостоятельности и к самоопределению*”, — пишет здесь А.Е.Пресняков¹⁹.

Понять, что хотел он этим сказать, зная о кадетском прошлом А.Е.Преснякова и его восторженном отношении к “народной революции” в февральско-мартовские дни 1917 года, нелегко. Впрочем, сочувственное упоминание в статье о ростках “новой жизни”, замеченных А.Е.Пресняковым после Октября 1917 года, кажется, разъясняет дело. Этим он, с одной стороны, как бы сигнализировал новой власти о своей поддержке её шагов в области науки, культуры и образования. А с другой стороны, давал некоторые указания на причины этого шага: *“преодоление стихийности”*, т.е. наведение элементарного порядка в стране, и, естественно, *“ростки новой жизни”*. *“Эти слова разъясняют, — комментирует это место из статьи А.Е.Преснякова М.Б.Свердлов, — почему Пресняков решительно встал на сторону Советской власти, поддержав её преобразования”*²⁰.

После 1917 года, отмечает в этой связи другой исследователь, С.В.Чирков, А.Е.Пресняков “активно пересматривает всю систему своих историко-философских воззрений. Направлением этого пересмотра стало усвоение им марксистской социологии и попытки приложить идеи марксизма к изучению русского прошлого. Правда, он воспринимал эти идеи с присущей ему самостоятельностью и критицизмом”²¹. И действительно, в личном архиве учёного сохранилось немало доказательств интереса А.Е.Преснякова к марксизму: тетради с конспектами работ Карла Маркса и Фридриха Энгельса, конспекты и выписки из “Капитала” и “Людвига Фейербаха”, писем Карла Маркса к Вейдемейру 1852 года, и другие, а также записная книжка А.Е.Преснякова 1919-1920 годов с библиографией произведений В.И.Ленина и даже отдельными цитатами из них²².

Особое внимание в этой связи привлекают заметки из записной книжки А.Е.Преснякова за 1919 год под характерным названием “История революци-

¹⁹ Пресняков А.Е. Обзоры пережитого // Дела и дни. Кн.1. Пг., 1920. С.346-347.

²⁰ Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993. С.538.

²¹ Чирков С.В. Александр Евгеньевич Пресняков // Историки России XVIII-XX вв. Вып.2. М., 1995. С.77.

²² Чирков С.В. Обзор архивного фонда А.Е.Преснякова // АЕ за 1970 год. М., 1971. С.313.

онного движения в России”, которые он начинает с *“Движения Болотникова и борьбы классов в Смутное время”* и заканчивает 1917 годом²³. Здесь же ещё одна заметка А.Е.Преснякова *“Изучение русской истории с социологической точки зрения”*²⁴. Из этого, конечно же, ещё не следует, что А.Е.Пресняков соби-рался что-либо писать на эти темы, но и того, что он проявлял к ним такой живой интерес, кажется вполне достаточно, чтобы уяснить, насколько выделял-ся А.Е.Пресняков из среды своих коллег по петербургской школе историков.

А.Е.Пресняков был одним из первых, если не первым из старой буржуазной профессуры, кто после 1917 года не только отмежевался от старых тем и подхо-дов в русской исторической науке, не только сосредоточил своё внимание на ос-мыслении в духе марксистской социологии исторического прошлого нашего Оте-чества (теория феодализма), но и, сознательно пожертвовав накопленными ранее знаниями в области истории Древней Руси, попытался, в духе времени, переори-ентировать своё творчество на политически актуальные и общественно значи-мые с точки зрения новой власти проблемы русской истории XIX века: декабри-сты и история русского самодержавия. Как тут не вспомнить мудрые слова С.Ф.Платонова, отмечавшего склонность А.Е.Преснякова ловить *“всякое новое общественное образование”* и его готовность *“благожелательно идти навстречу всему тому, в чём он видел зерно грядущего развития и силы”*²⁵. О том, что в 1920-е годы зерно грядущего развития и силы А.Е.Пресняков видел в большеви-ках, мы уже знаем. Не стоит, поэтому, удивляться тому, что уже начиная с 1919 года одна за другой появляются статьи и рецензии А.Е.Преснякова на декабрист-скую тему²⁶. Вершиной же его усилий в этом плане стала опубликованная им в 1926 году небольшая (152 страницы) монография *“14 декабря 1925 года”*²⁷. Здесь А.Е.Пресняков последовательно излагает историю тайных декабристских обществ, даёт характеристику руководителей Северного общества, достаточно подробно восстанавливает подготовку и ход восстания 14 декабря 1825 года. Причину вос-стания А.Е.Пресняков видел в очевидном к 1820-м годам отказе Александра I от сколько-нибудь широких преобразований в стране и решительном повороте его к *“националистическому консерватизму и подавлению всякой общественной са-*

²³ Архив СПб. ф. ИРИ РАН. Ф. 193. Оп. 1. Д. 124. Л. 27-29.

²⁴ Там же. Л. 42-43.

²⁵ Платонов С.Ф. А.Е.Пресняков (нскролог) // Известия АН СССР. VII серия. Отделение гумани-тарных наук. 1930, №2. С. 85.

²⁶ Пресняков А.Е. (Рец.) П.Е.Щёголев. Пётр Григорьевич Каховский. М., 1919 // Русский истори-ческий журнал. Пг., 1918. №5. Он же. Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов // Каторга и ссылка. М., 1925. №8(21). Он же. Восстание декабристов // Былое. Л., 1925. Кн. 5 (33). Он же. Декабристы // Вестник знания. Л., 1925. №2. Он же. Этюды С.Н.Чернова по истории декабристов // Былое. 1926, №1 (35). Он же. Мотивы реальной политики в движении декабристов // Бунт декабристов. Юбилейный сборник. 1825-1925. Л., 1926. Он же (Рец.). Нечки-на М.В. Общество соединённых славян. М.-Л., 1927 // Каторга и ссылка. М., 1927. №6 (35).

²⁷ Пресняков А.Е. 14 декабря 1925 года. С приложением военно-исторической справки Г.С.Габее-ва *“Гвардия в декабрьские дни 1825 года”*. М.-Л.: ГИЗ, 1926.

модельности”²⁸. А поражение восстания связывал с прочной опорой, которую ещё имело в эти годы правительство в дворянском сословии, большинство которого “оставалось консервативным”²⁹. “Исторически дело 14 декабря 1825 года вскрыло основные противоречия русской действительности, преодоление которых русская жизнь ищет в течение долгого ряда десятилетий. Половинчатые реформы 60-х годов, которые удовлетворили бы большинство членов “Северного общества”, были только промежуточным этапом этих исканий, нашедших своё разрешение через сотню лет — в Великой русской революции наших дней”, — заключает А.Е.Пресняков свою книгу³⁰.

Несмотря на ряд несомненных достоинств³¹ и новый архивный материал, использованный А.Е.Пресняковым, событием в исторической науке его книга не стала, да и статья, очевидно, из-за специфичности темы не могла. Подключившись к историкам-марксистам в разработке дворянского этапа русского революционного движения, не мог обойти А.Е.Пресняков и его пролетарский этап. Он и не обошёл, опубликовав в 1925 году в журнале “Былое” большую статью “1905 год”, где прямо пишет о руководящей роли пролетариата в событиях первой русской революции и определяет её как буржуазно-демократическую³². Внимательно следил А.Е.Пресняков и за литературой и публикациями документов, писем и воспоминаний Николая II, К.П.Победоносцева, П.А.Валуева и других представителей “старого режима”³³. Не проходил в ряде случаев А.Е.Пресняков мимо и публикаций по истории Октябрьской революции и гражданской войны в России³⁴.

Никакой критической оценки, как справедливо отмечает в этой связи М.Б.Свердлов, А.Е.Пресняков всем этим публикациям не даёт. “Рецензии А.Е.Преснякова, — пишет он, — преследовали цель привлечь внимание к этим книгам, вызвать у читателей те же чувства критического и в лучшем значении слова пристрастного отношения к дореволюционным представите-

---

²⁸ Там же. С.144.

²⁹ Там же. С.145.

³⁰ Там же. С.148.

³¹ Ракин С.А. Оценка А.Е.Пресняковым политических программ декабристов // Из истории общественно-политической мысли России XIX века. М., 1985. С.35-49.

³² Пресняков А.Е. 1905 год // Былое. 1925, №4(32). С.3-35.

³³ Пресняков А.Е. Предисловие // Перетц Е.А. Дневник (1880-1883). М.-Л., 1927. Он же. Воспоминания Е.М.Феоктистова и их значение // Феоктистов Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы (1848-1896). Л., 1929. Он же (Рец.). Валуев П.А. Дневник (1877-1884). Пг., 1919 // Дела и дни. Кн.2. Пг., 1921. Он же (Рец.). Письма К.П.Победоносцева к Александру III. Т.1. М., 1925 // Каторга и ссылка. М., 1927. №8. Он же (Рец.). Переписка Николая и Александры Романовых. Т.5 (1916-1917). М.-Л., 1927 // Каторга и ссылка. М., 1927. №4.

³⁴ Пресняков А.Е. (Рец.) Революция в Крыму. Исторический сборник Истпарта Крыма. №1(3). Симферополь, 1924 // Красная летопись. Л., 1924. №2(11). Он же (Рец.). Я.Никилихин. Как и почему мы победили? Пг., 1924 // Красная летопись. Л., 1924. №2(11). С.262. Он же (Рец.). Ладоха Г. Очерки гражданской войны на Кубани. Краснодар, 1923 // Красная летопись. Л., 1924. №2(11). С.263-264.

лям господствующего класса и чувство уважения к участникам гражданской войны”³⁵. Всё это так, вот только стоило ли такому крупному и, вне всякого сомнения, занятому историку, как А.Е.Пресняков, тратить время и писать рецензии и предисловия, единственное назначение которых состояло в том, чтобы привлечь внимание к тем или иным публикациям?

Этот же вопрос поневоле встаёт и при обращении к популярным работам А.Е.Преснякова о российских самодержцах XIX века: Александре I³⁶, Николае I³⁷, Александре II³⁸. К этому же циклу работ А.Е.Преснякова о самодержцах примыкают и его статьи “Идеология Священного союза”³⁹, “Закрепощение в императорской России”⁴⁰, “Экономика и политика в польском вопросе начала XIX века”⁴¹.

Здесь, очевидно, нет необходимости подробно останавливаться на том, кто, почему и как писал в 1920-е годы в Советской России о династии Романовых в XIX веке, последние представители которых всего лишь несколько лет назад были расстреляны в подвале Ипатьевского дома. Достаточно сослаться на известную книжку С.Б.Любоша⁴² и процитировать М.Н.Покровского: *“Разве что в уголовном отделении каторжной тюрьмы можно было найти в чело- веке столько грехов, сколько несли на себе “благодетельнейшие, самодержавнейшие российские императоры””*⁴³.

Надо отдать должное А.Е.Преснякову: несмотря на присущую его очеркам антисамодержавную установку, написаны они им всё же не с вульгарно-марксистских, а скорее с либерально-демократических позиций, в характерной для историков петербургской школы объективистской манере. Другой особенностью очерков является психологический подход автора к раскрытию заявленной темы, когда в центре внимания его оказывается психологический портрет императора на фоне исторической эпохи. Характерна в этом отношении книга А.Е.Преснякова о Николае I, которую он начинает с “философии жизни” и мировоззрения императора, а заканчивает рассуждением о психологической допустимости его самоубийства после получения известия о поражении русских войск в Крыму. В книге об Александре I опять тот же мотив: личная драма императора как *“живое отражение колебаний и противоречий в борьбе основных течений его времени”*⁴⁴.

---

³⁵ Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С.553-554.

³⁶ Пресняков А.Е. Александр I. Л., 1924.

³⁷ Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925.

³⁸ Пресняков А.Е. Самодержавие Александра II // Русское прошлое. Пг., 1923. Кн.4. С.3-20.

³⁹ Анналы. Журнал всеобщей истории, издаваемый Российской академией наук. Т.3. Пг., 1923. С.72-81.

⁴⁰ Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн.4. С.14-21.

⁴¹ Борьба классов. Пг., 1924. Кн.1-2. С.29-49.

⁴² Любош С.Б. Последние Романовы. Л., 1924.

⁴³ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933. С.86.

⁴⁴ Пресняков А.Е. Александр I. Л., 1924. С.67.

Конечно же, и о революции, и о российских самодержцах тоже кому-то надо было писать. Да и движение декабристов — вполне достойная тема. И всё же трудно себе представить, чтобы такой умный человек, каким был, несомненно, А.Е.Пресняков, не понимал, что в научном плане темы эти — далеко не первостепенной важности и разработку их, говоря словами его учителя С.Ф.Платонова, в тогдашних условиях ему лучше бы всё таки “оставить другим”⁴⁵, т.е. историкам-марксистам из числа учеников М.Н.Покровского, хотя бы той же М.В.Нечкиной, выпустившей в 1927 году книгу об “Обществе соединённых славян”⁴⁶. Ведь что бы ни говорили сегодняшние историки⁴⁷ о заслугах А.Е.Преснякова как автора монографии о 14 декабря 1825 года, появление её в лучшем случае — дань моде и только, в то время как его книги о княжестве праве и об образовании Великоорусского государства имеют непреходящее значение, созданы, можно сказать, на века.

Говоря о А.Е.Преснякове-историке, нельзя пройти мимо и его историографических работ. Ещё в дореволюционные годы внимание А.Е.Преснякова привлекло творчество С.М.Соловьёва⁴⁸, И.Е.Забелина⁴⁹, Н.П.Павлова-Сильванского⁵⁰. После 1917 года А.Е.Пресняков писал о К.Н.Бестужеве-Рюмине⁵¹, В.О.Ключевском⁵², С.М.Соловьёве⁵³. Особую ценность в глазах исследователя имеют работы А.Е.Преснякова, появившиеся в связи с кончиной его друзей и товарищей по ремеслу историка: А.А.Шахматова⁵⁴, А.С.Лаппо-Данилевского⁵⁵, М.А.Дьяконова⁵⁶, мимо которых не вправе пройти ни один исследователь их творчества. Заслуживает внимания и очерк А.Е.Преснякова по историографии русского крестьянства, опубликованный им в 1921 году в “Ар-

⁴⁵ Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг на историческом фронте. М.-Л., 1931. С.231.

⁴⁶ Нечкина М.В. Общество соединённых славян. М.-Л., 1927.

⁴⁷ Жуковская Т.Н. А.Е.Пресняков — декабристовец // Третий мартовские чтения памяти С.Б.Окуна. Под ред. Т.Н.Жуковской и А.Д.Марголиса. СПб., 1997. С.81-87.

⁴⁸ Пресняков А.Е. С.М.Соловьёв // Вестник и библиотека самообразования. 1904. №12. Стб. 1515-1520.

⁴⁹ Пресняков А.Е. Памяти Ивана Егоровича Забелина // Вестник Европы. 1909, №2. С.805-811.

⁵⁰ Пресняков А.Е. (Некролог) Н.П.Павлов-Сильванский // ЖМНП. 1908, №11. Отд. 4. С.11-17. Он же. Н.П.Павлов-Сильванский // Отчёт о деятельности учебного отдела Общества распространения технических знаний за 1908-1909 г. М., 1911. С.46-51.

⁵¹ Пресняков А.Е. К.Н.Бестужев-Рюмин (к 25-летию со дня кончины) // Дела и дни. Кн.3. Пг., 1922. С.170-172.

⁵² Пресняков А.Е. В.О.Ключевский // Русский исторический журнал. Кн.8. Пг., 1922. С.203-224.

⁵³ Пресняков А.Е. С.М.Соловьёв и его влияние на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Сборник статей. М.-Л., 1963. С.76-86.

⁵⁴ Пресняков А.Е. А.А.Шахматов // Дела и дни. Пг., 1920. Кн.1. С.611-614. Он же. А.А.Шахматов в изучении русских летописей // ИОРЯС РАН. 1920. Кн.25. Пг., 1922. С.163-171.

⁵⁵ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. Он же. Труды А.С.Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. Пг., 1920. Кн.6. С.97-111. Он же. А.С.Лаппо-Данилевский как учёный и мыслитель. Там же. С.82-96.

⁵⁶ Пресняков А.Е. Труды М.А.Дьяконова по русской истории // Русский исторический журнал. Кн.7. Пг., 1921. С.8-25.

хиве истории труда в России”⁵⁷. Кроме того, в личном архиве учёного хранится его большой (580 страниц) курс по русской историографии XVII-XIX веков, прочитанный им в 1900-1901 годах на словесном отделении Женских педагогических курсов⁵⁸.

Приведённого материала, как представляется, достаточно, чтобы сделать твёрдый вывод о сознательном повороте А.Е.Преснякова 1920-х годов от Древней Руси к русской истории XIX — начала XX веков. Хотя интерес к ней он проявлял ещё до революции, в связи со своей преподавательской деятельностью в Женском педагогическом институте. Курс лекций по истории России XIX века в трёх частях до сих пор хранится в личном фонде учёного⁵⁹.

Марксистом А.Е.Пресняков в 1920-е годы, конечно же, не стал, но правила игры, навязываемые новой властью научному сообществу историков, принял. И, прямо надо сказать, историки-марксисты это оценили. *“Почти что нашим”, “крупнейшим русским историком послеплатоновского поколения”* называл А.Е.Преснякова глава тогдашних историков-марксистов М.Н.Покровский⁶⁰. Однако отношение самого А.Е.Преснякова к М.Н.Покровскому было сдержанным. Конечно же, он со свойственной ему добросовестностью тщательно изучил тогдашний марксистский учебник — его *“Русскую историю в самом сжатом очерке”*. Однако крайностей *“красного профессора”* в оценке её событий он не разделял, о чём ясно свидетельствуют нелестные, а порой даже очень резкие заметки о ней в его записной книжке⁶¹.

Правильнее поэтому, наверное, всё же говорить не о переходе А.Е.Преснякова, причём решительном, на сторону Советской власти (М.Б.Свердлов), а о его готовности сотрудничать с нею. Следует, впрочем, иметь в виду, что на сотрудничество с Советской властью пошёл не один А.Е.Пресняков, а практически вся университетская профессура тех лет, в том числе и его учитель С.Ф.Платонов. Вместе с ним, а также А.С.Лаппо-Данилевским и другими своими коллегами по Петроградскому университету⁶², А.Е.Пресняков активно включился в 1918 году в работу по перестройке и реформированию архивного дела⁶³, заняв должность заместителя С.Ф.Платонова по Петроградскому отделению Централхива РСФСР (ушёл только в 1923 году)⁶⁴ и Археологическому институту (профессор и декан Археографического факультета). 1 июля

---

⁵⁷ Пресняков А.Е. Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. I. С.34-47.

⁵⁸ Чирков С.В. Обзор архивного фонда А.Е.Преснякова // АЕ за 1970 год. М., 1971. С.312.

⁵⁹ Архив СПб. ф. ИРИ РАН. Ф.193. Оп.1. Д.13-15.

⁶⁰ Чирков С.В. Обзор архивного фонда А.Е.Преснякова // АЕ за 1970 год. М., 1971. С.314.

⁶¹ Там же. С.314-315.

⁶² Чирков С.В. А.Е.Пресняков и архивная реформа // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 253-257.

⁶³ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела // Русский исторический журнал. Пг., 1918. Кн.5. С.205-222.

⁶⁴ Брачев В.С. “Дело историков” (1929-1931). СПб., 1998. С.13.

1920 года Археологический институт был преобразован в Археологическое отделение Факультета общественных наук (ФОН) Петроградского университета. После очередной реорганизации факультета С.Ф.Платонов вынужден был (апрель 1923 года) уйти со своей должности в связи с её ликвидацией. На базе отделения ФОН возникло два “цикла”: археологический и архивно-археографический. Председателем архивно-археографического цикла был избран А.Е.Пресняков⁶⁵. Признанием несомненных заслуг А.Е.Преснякова как историка стало избрание его 4 декабря 1920 г. членом-корреспондентом Академии Наук.

Важной вехой биографии А.Е.Преснякова 1920-х годов стало его директорство в Историческом научно-исследовательском институте при Петроградском университете (1921-1925 гг.) и Ленинградском отделении Института истории РАНИОН (1927-1928 гг.). Первое заседание Совета Института в составе 15 человек (А.И.Введенский, И.М.Гревс, С.А.Жебелёв, Н.И.Кареев, Л.П.Карсавин, С.Ф.Платонов, Н.А.Рожков и др.) состоялось 10 сентября 1921 года⁶⁶. С кратким сообщением выступил А.Е.Пресняков, сообщивший о своём назначении и о первоочередных задачах по организации института. 27 мая 1922 года были проведены уже официальные выборы директора Исторического института. Как и следовало ожидать, избранным оказался А.Е.Пресняков. Секретарём института, т.е. правой рукой А.Е.Преснякова стал его ученик Б.А.Романов.

Первый список сотрудников Научного исследовательского исторического института был утверждён правлением Петроградского университета 4 мая 1922 года. 11 августа того же года и 15 сентября 1923 года были рассмотрены и утверждены списки дополнительных кандидатур сотрудников института. Среди более чем двух десятков его действительных членов периода 1921-1923 годов — такие известные учёные, как: И.Д.Андреев, В.В.Бартольд, А.А.Васильев, А.И.Введенский, И.М.Гревс, Э.Л.Радлов, С.В.Рождественский, О.А.Добиаш-Рождественская, С.А.Жебелёв, П.А.Сорокин, Н.И.Кареев, С.Ф.Платонов, М.Д.Присёлков, Н.А.Рожков, А.И.Заозерский, Е.В.Тарле, А.Л.Петров)⁶⁷. Поскольку главную роль в организации института играла старая университетская профессура, то естественно, что и цель свою она видела в поддержании на должном уровне научной традиции. После отмены в 1918 году учёных степеней и фактического прекращения практики оставления при университете для подготовки к профессорскому званию задача такая была более чем своевременной. Работал институт на основе “Положения о научно-исследовательских институтах и ассоциациях при высших учебных заведениях РСФСР” от 23 декабря 1922 года. При всём уважении к заслугам действительных членов института, основу, наиболее работоспособную часть его составляли всё же не они, а так называемые штатные (до 30 человек) и внештатные сотрудники, делившие

⁶⁵ Отчёт о состоянии археологического отделения ФОН Петроградского университета за 1923-1925 гг. // ЦГА СПб. Ф.2559. Оп.2. Д.3. Л.2, 9.

⁶⁶ Архив СПб. ф. ИРИ РАН. Ф.193. Оп.3. Д.3. Л.1-1об.

⁶⁷ Там же. Л.22.

ся, в свою очередь, на разряды⁶⁸. Русскую секцию Исторического института возглавил профессор С.В.Рожественский, всеобщей истории — профессор И.М.Гревс, философии — Э.Л.Радлов, социологии — П.А.Сорокин⁶⁹.

Наибольший интерес для нас представляет, естественно, русская секция. Наряду с уже известными учёными (Б.Д.Греков, М.А.Островская, А.А.Спицын) основную массу сотрудников её составили представители так называемого “среднего поколения” из числа незащитившихся учеников С.Ф.Платонова и С.В.Рожественского (В.А.Петров, С.Н.Валк, В.А.Егоров, П.А.Садиков, А.Н.Егоров, Б.А.Романов), а также ряд выпускников университета послереволюционного времени (А.Н.Шебунин, А.А.Введенский, М.Н.Мартынов, В.Н.Кашин, А.Н.Насонов, М.М.Цвибак, Н.С.Штакельберг)⁷⁰.

Уже 4 февраля 1922 года С.В.Рожественский поставил на Совете Института вопрос об организации “коллоквиумов” для приобретения научной квалификации лицами, планировавшимися для использования в дальнейшем в преподавательской деятельности. Были предприняты попытки возродить (правда, неофициально) и саму процедуру защиты учёных степеней. Так, 22 апреля 1922 года по просьбе П.А.Сорокина состоялась неофициальная публичная защита им тезисов из его только что вышедшей книги “Система социологии. Т.1-2” (Пг., 1920). В качестве оппонентов на диспуте выступили Н.И.Кареев, К.А.Тахтаров и И.И.Лапшин. Защита была признана удовлетворительной⁷¹. Конечно же, по условиям времени попытки эти не могли найти должного понимания ни у администрации университета, ни у самих молодых учёных — сотрудников института. Другое дело — руководство со стороны действительных членов научной работой своих молодых коллег. В этом смысле деятельность Исторического института трудно переоценить.

И обращение к ряду новых тем, связанных с разработкой истории классово-вой борьбы, социально-экономических отношений и революционного движения (А.А.Введенский, С.Н.Валк, П.А.Садиков), и появление здесь лиц с марксистским, так сказать, “душком” (М.Н.Мартынов, А.Н.Шебунин), не говоря уже о прямых коммунистах (М.М.Цвибак) ясно указывает на то, что в стороне от происходивших в СССР перемены возглавляемое А.Е.Пресняковым учреждение не стояло. Однако в целом Исторический институт был всё же нацелен, как уже отмечалось, на поддержание и передачу молодёжи духа старых научных традиций, и на скорое внедрение с его помощью марксизма в историческую науку рассчитывать особо не приходилось.

В результате в 1925 году Институт фактически прекратил своё существование. Вместо него было решено учредить новое историческое учреждение, на этот раз не регионального, местного, а уже всесоюзного масштаба, напри-

⁶⁸ Там же. Д.8. Л.9-11.

⁶⁹ Там же. Д.3. Л.22.

⁷⁰ Там же. Л.99, 112.

⁷¹ Там же. Л.18.

мую подчинявшееся Москве — Ленинградское отделение Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Формально московский институт возглавлял академик Д.М.Петрушевский. Но настоящим хозяевами здесь были М.Н.Покровский и его ученики. Характерно, что как и в 1921 году, организация нового института на берегах Невы была возложена на А.Е.Преснякова. 19 февраля 1926 года он был в спешном порядке проведён в сверхштатные действительные члены московского Института истории РАНИОН⁷². *“Ленинградское отделение Института истории должно стать уже по самому смыслу своего учреждения центром объединения и планомерно организованной работы ленинградских исследовательских сил в области исторической науки”*, — так формулировал задачи нового учреждения А.Е.Пресняков. Что касается русской секции вновь учреждаемого института, то её основной задачей, по мнению А.Е.Преснякова, должна была стать *“планомерная разработка архивных фондов и иного рукописного материала, хранящегося в ленинградском отделении Централрхива и в рукописных отделениях Публичной библиотеки, Библиотеки Академии Наук и Музея палеографии Академии Наук”*⁷³. Однако у московских руководителей создаваемого отделения Института в Ленинграде на этот счёт было, судя по всему, совсем другое мнение. Главной задачей Ленинградского отделения они считали укрепление марксистских позиций на ленинградском историческом фронте. Обеспокоенный тем, чтобы А.Е.Пресняков действовал в нужном для марксистов направлении, М.Н.Покровский “для пригляду” за ним срочно направил в начале 1927 года в Ленинград двух своих наиболее преданных учеников, только что окончивших Институт красной профессуры — Г.С.Зайделя и А.М.Панкратову⁷⁴. Кажется, А.Е.Пресняков всё понял “как надо” и сразу же провёл их в состав действительных членов института. Председателем секции русской истории Ленинградского отделения стал сам А.Е.Пресняков (секретарь Б.А.Романов). Секцию всеобщей истории (делившуюся, в свою очередь, на подсекции) возглавил Е.В.Тарле. Секретарём при нём был С.С.Горловский.

В марте 1927 года список 4 штатных (А.Е.Пресняков, Б.А.Романов, Е.В.Тарле и Я.М.Захер) и 16 сверхштатных (А.И.Андреев, С.Н.Валк, И.М.Гревс, Б.Д.Греков, О.А.Добиаш-Рождественская, С.Ф.Платонов, С.В.Рождественский и др.) действительных членов после ряда утрясок и проволочек был, наконец, утверждён в Москве. Что касается рядовых сотрудников, то штатных среди них было всего 5 человек (А.Н.Молок, П.Е.Щёголев, А.М.Розенберг, М.Н.Мартынов), в то

---

⁷² Там же. Д.8. Л.107.

⁷³ Там же. Л.68.

⁷⁴ В марте 1927 года по семейным обстоятельствам А.М.Панкратовой пришлось вернуться в Москву. Что же касается Г.С.Зайделя, то он остался. Директор Ленинградского отделения института истории Комкадемии, первый декан и заведующий кафедрой новой и новейшей истории Исторического факультета Ленинградского университета (1934) — таковы основные вехи его дальнейшей административной биографии. Расстрелян в 1935 году.

время как сверхштатных — целых 18 (Я.К.Пальвадре, С.В.Вознесенский, В.П.Викторов, А.Н.Гусев, С.И.Ковалёв, Н.И.Карпов, А.Е.Кудрявцев, Н.И.Розенталь, И.С.Фендель, П.А.Лурье, П.А.Садиков, А.Н.Шебунин, А.А.Введенский, А.М.Шилов, Г.Я.Яковин, Е.П.Петров, С.М.Данини, С.С.Горловский)⁷⁵.

Несмотря на формальное прикрытие в виде сверхштатных действительных членов из числа старой профессуры, реальной научной силой в институте были, конечно же, не они, а так называемые “молодые учёные”, либо члены ВКП(б) (В.П.Викторов, Я.К.Пальвадре), либо лица, склонявшиеся к марксизму (С.В.Вознесенский, С.И.Ковалёв, Н.И.Розенталь, А.Н.Шебунин, А.А.Введенский, С.Н.Валк, А.И.Молок, М.Н.Мартынов, Б.А.Романов). Собственно, на них и делалась ставка.

Однако большого доверия у М.Н.Покровского к А.Е.Преснякову, как ученику “монархиста” С.Ф.Платонова, видимо, всё же не было. И А.Е.Пресняков это чувствовал. *“А.Е.Пресняков говорил нам не без иронии, — доклады вала А.М.Панкратова своему “шефу” в письме от 14 марта 1927 года, — что у Москвы “странная тактика: доверяю — не доверяю. С одной стороны ему поручают руководить московскими аспирантами, с другой — боятся его и не позволяют руководить аспирантами в Ленинграде. Открывают в Ленинграде институт и мимо его, не разрешают ему иметь ни аспирантов, ни достаточного количества научных сотрудников”*⁷⁶.

Тем временем в связи с вынужденным уходом в 1927 году из университета С.Ф.Платонова и С.В.Рождественского, А.Е.Пресняков, как председатель предметной комиссии по истории Факультета языкознания и материальной культуры, становится фактическим хозяином на платоновской кафедре, хотя формально должности заведующего в штатном расписании факультета и не было. Показателем возросшего признания А.Е.Преснякова в марксистских кругах стало приглашение его в том же 1927 году в качестве профессора в Институт красной профессуры⁷⁷. Продолжалась в 1920-е годы и преподавательская деятельность А.Е.Преснякова в Педагогическом институте.

Неудивительно поэтому, что когда в 1928 году Ленинградский университет выдвинул кандидатуру А.Е.Преснякова в действительные члены Академии Наук СССР, она была благожелательно встречена в правительственных сферах. Однако на включение его в свой коммунистический список (следует иметь в виду, что выборы 12 января 1929 года на общем собрании членов Академии Наук проходили на основе пакетного соглашения, в соответствии с которым академики соглашались проголосовать за правительственные кандидатуры коммунистов или сочувствующих им (Н.И.Бухарин, М.Н.Покровский, Д.Б.Рязанов и др.) при условии, что правительство, в свою очередь, даст “добро” на так называемый “основной список” кандидатов, составленный самими академиками. Коммунистов или

⁷⁵ Архив СПб. ф. ИРИ РАН. Ф.193. Оп.3. Д.8. Л.9.

⁷⁶ Панкратова А. М. — Покровскому М. Н. 14 марта 1927 года // Историк и время. 20-е — 50-е гг. XX века. А. М. Панкратова. М., 2000. С. 269.

⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.9403. Л.121об.

им сочувствующих здесь, понятное дело, уже не было⁷⁸) правительство не пошло, видимо, не считая его вполне “своим”. Но и академики во главе с С.Ф.Платоновым (именно ему было поручено возглавить комиссию по историческим наукам) также не захотели включить А.Е.Преснякова в свой “беспартийный” список, предпочтя ему кандидатуру московского профессора М.К.Любавского⁷⁹. Никак поэтому нельзя согласиться с А.Н.Артизовым, который, со ссылкой на статью Ф.Ф.Перчёнка⁸⁰, пишет, что кандидатурой А.Е.Преснякова якобы “пожертвовали, чтобы продвинуть в академики Н.М.Лукина”⁸¹, возводя, таким образом, всю вину за неизбрание А.Е.Преснякова на правительство.

Всё дело, однако, в том, что правительство и не собиралось проводить А.Е.Преснякова по своему коммунистическому списку, рассчитывая, что не включить такую крупную и авторитетную фигуру “буржуазного учёного” в свой беспартийный список академики просто не смогут. И ошиблось. Таким образом, кандидатурой А.Е.Преснякова действительно пожертвовали, но не правительство, а академики, и не для того, конечно, чтобы продвинуть в академию “марксиста” Н.М.Лукина (он, напомним, проходил по коммунистическому списку), а для того, чтобы по своему академическому беспартийному списку провести в Академию Наук своего, беспартийного кандидата профессора М.К.Любавского. А.Е.Преснякова “своим” академики, таким образом, уже, видимо, не считали. Не был он вполне своим, как мы только что убедились, и для правительства.

Понимал ли сам А.Е.Пресняков всю двусмысленность своего положения на историческом фронте 1920-х годов? Некоторые данные говорят, что да. “Уважаемый Исаак Львович, — пишет А.Е.Пресняков в письме от 27 марта 1928 года на имя ответственного секретаря журнала “Историк-марксист” И.Л.Татарова, — что мне Вам ответить? Запутался я в разных делах и делишках между двух городов. Устал от суеты сует и сбился со всякого писания ... Трудно на чём-либо сосредоточиться ...”⁸². “Запутался” А.Е.Пресняков, конечно же, не между двух городов, т.е. Москвой и Ленинградом, а между двух противоборствующих лагерей: старой буржуазной профессурой, сплотившейся во второй половине 1920-х годов вокруг исторических учреждений Академии Наук в Ленинграде, и лагерем историков-марксистов, центральные учреждения которого (Институт красной профессуры, Коммунистическая академия, Институт истории РАНИОН и др.) находились в Москве. Самое любопытное здесь — так это то, что ни одной строчки из написанного А.Е.Пресняковым в 1920-е годы в центральном органе историков-марксистов — журнале под одноимённым названием так и не появилось,

⁷⁸ Брачев В.С. Укрощение строптивой или как АН учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990, №4. С. 121-127.

⁷⁹ Там же. С.21.

⁸⁰ Перчёнок Ф.Ф. Академия наук на “великом переломе” // Звенья. Вып. 1. М., 1991. С. 182.

⁸¹ Артизов А.Н. Болезнь и кончина А.Е.Преснякова // Вопросы истории. 1996, №5-6. С. 158.

⁸² Там же. С. 158-159.

хотя известно, что он не только вёл довольно таки активную переписку с редакцией журнала, но и присылал свои отзывы и рецензии⁸³.

Большой интерес в свете своеобразного положения, в котором оказался А.Е.Пресняков в преддверии так называемого “Академического дела” 1929-1931 годов представляют доклады, прочитанные с ноября 1927 по май 1928 годов на секции русской истории Ленинградского отделения института истории РАНИОН: “А.И.Герцен и революционное движение в России 60-х годов XIX века” (А.Н.Шебунин), “Новые данные об отношении Карла Маркса к русскому революционному движению” (С.Н.Валк), “К истории освобождения Н.Г.Чернышевского” (П.А.Садиков), “1905 год на Урале” (А.А.Введенский), “Горнозаводские рабочие и пугачёвщина” (М.Н.Мартынов), “Четы в конце XV — начале XVII веков” (П.А.Садиков), “Проблема критики источников по истории 1917 года в России” (С.Н.Валк), “Упадок “Народной воли”” (С.Н.Валк), “Социально-экономические идеи пугачёвщины” (М.Н.Мартынов), “Кузнецкий острог в XVII веке” (А.А.Введенский), “Из истории русского летописания” (М.Д.Присёлков), “Из истории черноморской торговли в XVIII веке” (А.Н.Шебунин), “Захват Порт-Артура” (Б.А.Романов), “Из истории крупной монастырской вотчины XVI-XVII веков” (В.А.Петров). Наконец, в марте 1928 года с докладом “Феодализм и денежное хозяйство” на секции русской истории выступил и сам А.Е.Пресняков⁸⁴.

Очевидно, таким образом, что при неизбежных уступках “веяниям времени” (разработка преимущественно новой и даже новейшей истории России, истории классовой борьбы, экономики и финансов), в целом деятельность возглавлявшегося А.Е.Пресняковым института носила сугубо академический характер. *“Разработка в первую очередь архивных фондов, относящихся к экономической и социальной истории России в XVIII и XIX веках, таких, как “Экономические примечания” по губерниям за последние десятилетия XVIII и первые десятилетия XIX веков (б. Сенатский архив) и вотчинных архивов крупных землевладельцев, а также архивных фондов, относящихся к истории русских государственных финансов, экономической политики и торговли”*, — так определял А.Е.Пресняков основную задачу русской секции возглавляемого им института⁸⁵. Но как раз это-то обстоятельство — академизм Ленинградского отделения института истории — и не устраивало историков-марксистов во главе с М.Н.Покровским.

25 и 28 мая 1928 года Президиум РАНИОН принимает неожиданное решение о ликвидации Ленинградского отделения института истории⁸⁶. И это было только начало. В 1929 году дошла очередь и до Московского института

⁸³ Алаторцева А.И. Журнал “Историк-марксист” 1921-1941. М., 1979. С.72.

⁸⁴ Список докладов по русской секции, 1927-1928 гг. // Архив СПб. ф. ИРИ РАН. Ф.193. Оп.3. Д.8. Л.77.

⁸⁵ Архив СПб. ф. ИРИ РАН. Ф.193. Оп.3. Д.8. Л.68об.

⁸⁶ Там же. Л.20

истории РАНИОН. В целях окончательного уничтожения влияния буржуазной историографии изучение отечественной истории решено было сосредоточить в Институте истории Коммунистической академии. Но А.Е.Преснякова к этому времени уже не было в живых.

Глава 4. Болезнь и смерть

Первые признаки тяжёлой болезни в форме мучительных болей в левой части головы начались у А.Е.Преснякова ещё осенью 1927 года. Проведённое обследование указало на рак языка (следует иметь в виду, что А.Е.Пресняков был заядлый курильщик). После проведённого весной 1928 года облучения радиом больному стало легче. Здесь, в больнице им. И.И.Мечникова, летом 1928 года его навестили С.Ф.Платонов и С.В.Рождественский. В ходе завязавшейся беседы *“Пресняков сказал мне, — отмечал впоследствии С.Ф.Платонов, — что он получил приглашение принять участие в исторической неделе (в Берлине — Б.В.) и показал бланк приглашения. Меня тогда же неприятно поразило, что мой ученик, профессор Пресняков, приглашён участвовать в поездке в Германию, а мне приглашение не было прислано”*¹. В конце концов, в Германию поехал всё-таки С.Ф.Платонов, а не больной А.Е.Пресняков, но позиция М.Н.Покровского в этом вопросе, явно делавшего ставку на лояльного А.Е.Преснякова в пику С.Ф.Платонову, весьма показательна в смысле политики, проводившейся историками-марксистами по отношению к старой профессуре.

Весь август 1928 года А.Е.Пресняков провёл в Москве, занимаясь в архиве поисками и копированием документов по истории русско-польских отношений времён Петра Великого. Однако работал он уже с трудом и часто жаловался на усталость. Октябрь 1928 года провёл на отдыхе в Крыму. Возвратился в Ленинград только к 7 ноября и сразу же приступил к занятиям в университете. Однако в декабре 1928 года ему опять стало плохо и срочно понадобилась второй сеанс облучения радиом.

7 декабря 1928 года А.Е.Пресняков вынужден был обратиться в президиум Ямфака университета с просьбой об отпуске. *“Приходится прервать на неопределённое время (так как возможность приступить к занятиям, хотя бы тотчас после каникулярного периода, маловероятна) только что начатое моё преподавание”*, — с огорчением вынужден был констатировать учёный². 19 декабря того же года Правление университета принимает решение возобновить перед народным комиссариатом просвещения СССР ходатайство о присвоении А.Е.Преснякову звания заслуженного деятеля науки и о назначении ему персональной пенсии³.

¹ Академическое дело 1929-1931 гг. Т.1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993. С.53-54.

² ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.9403. Л.126.

³ Там же. Л.120.

В середине февраля 1929 года А.Е.Преснякову устроили командировку в Париж для лечения. Здесь ему в результате хирургического вмешательства была удалена половина языка, но без удаления шейных желёз. Это была ошибка, ибо не успел А.Е.Пресняков возвратиться в Ленинград, как его пришлось срочно (уже в третий раз) госпитализировать всё в ту же больницу им. И.И.Мечникова. Здесь его опять подвергли облучению радием. Лето 1929 года А.Е.Пресняков провёл в Павловске. Состояние его ухудшалось день ото дня — резкое падение веса, постоянные головные боли, вследствие чего ему приходилось регулярно обливать голову холодной водой. Следует иметь в виду, что уже с осени 1928 года А.Е.Пресняков вынужден был перейти с нормального питания на употребление только жидкой пищи. Говорить А.Е.Пресняков, правда, ещё мог, но избегал этого и старался объясняться “обыкновенными записочками”⁴.

17 февраля 1929 года в Актовом зале Ленинградского университета в торжественной обстановке было отмечено 35-летие научной деятельности А.Е.Преснякова. В связи с болезнью А.Е.Преснякова торжество неоднократно откладывалось. Открылось оно речью ректора университета М.В.Серебрякова. Основные доклады, посвящённые работам А.Е.Преснякова по древней истории России и истории русского летописания сделали И.И.Яковкин и Б.Д.Греков⁵. Однако присутствовал ли сам юбиляр на этом торжестве, неизвестно.

Тем временем с 1 июля 1929 года факультет языкознания и материальной культуры был спешно преобразован в историко-лингвистический факультет Ленинградского университета, деканом которого стал Я.К.Пальвадре. Коренной реорганизации подверглась и кафедра русской истории, на основе которой были созданы две кафедры: истории России до XIX века и кафедра истории России и СССР XIX-XX веков. Заведующим кафедрой истории России до XIX века был избран А.Е.Пресняков. В составе её, кроме самого А.Е.Преснякова, насчитывалось в то время всего 5 человек: профессор Б.Д.Греков, доценты К.В.Кудряшов и М.Н.Мартынов и два ассистента А.А.Труханов и И.Н.Третьяков. Исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории России и СССР XIX-XX веков стал член ВКП(б) доцент В.П.Викторов⁶.

О работе А.Е.Пресняков, связанной с подготовкой задуманной им монографии о русско-польских отношениях в первой четверти XVIII века речь уже шла. Много времени уделял А.Е.Пресняков в последние годы и подготовке своих разделов в коллективной “Книге для чтения по истории народов СССР”, для первого тома которой им были подготовлены два больших раздела: “Московское государство XVI-XVII веков”⁷ и “Международные

⁴ Артизов А.Н. Болезнь и кончина А.Е.Преснякова // Вопросы истории. 1996. №5-6. С.159.

⁵ СПб. ф. Архива РАН. Ф.133. Оп.1. Д.1211. Л.15.

⁶ ЦГА СПб (бывший ЛГАОРСС). Ф.7240. Оп.14. Д.210. Л.47.

⁷ Книга для чтения по истории народов СССР. Под общей редакцией М.Н.Покровского. Т.1. Харьков, 1930. С.26-54.

отношения России в XVIII веке”⁸. Однако опубликован этот том был только в 1930 году, т.е. уже после смерти А.Е.Преснякова. Планировавшийся второй том в свет так и не вышел. Рукопись специально для него написанного А.Е.Пресняковым раздела “Международные отношения России в XIX веке” хранится ныне в личном фонде учёного⁹.

Не предчувствуя близкого конца, А.Е.Пресняков ушёл 8 июля 1929 года в отпуск на два месяца (до 1 сентября)¹⁰, ещё надеясь, таким образом, возобновить преподавание в университете. Однако надеждам этим не суждено было сбыться. 26 сентября 1929 года у него неожиданно открылось сильное кровотечение из ранки на языке. 29 сентября — второе, более сильное (стакан крови). Чтобы облегчить страдания больного, ему пришлось дать морфий. Тем временем начались перебои в сердечной деятельности и 30 сентября 1929 года между 5 и 5:30 часами утра А.Е.Преснякова не стало¹¹.

Так как у университета денег на похороны не оказалось, его ректор профессор М.В.Серебряков переадресовал просьбу семьи по оказанию материальной помощи на погребение в Облисполком. “Профессор А.Е.Пресняков — крупный историк-марксист, который одним из первых отмежевался от старой школы и стал в полном смысле слова советским учёным, — подчеркнул он в своём отношении в Президиум Леноблисполкома 2 октября 1929 года”¹². В результате все расходы по погребению А.Е.Преснякова в размере 500 рублей взял на себя Ленинградский Облисполком¹³.

Похоронили А.Е.Преснякова на Никольском православном кладбище Александровской лавры. На могиле учёного установлен памятник из серого гранита работы старого друга семьи Пресняковых известного скульптора Н.Г.Манизера, на лицевой стороне которого высечен профиль учёного. Личный архив А.Е.Преснякова хранится ныне в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (Ф.193, 229 единиц хранения). Обширная же библиотека учёного (3600 томов) была продана в 1931 году Колумбийскому университету в США.

Болезнь А.Е.Преснякова, как уже отмечалось, была мучительной, но умер он на вершине успеха и с репутацией чуть ли не историка-марксиста. Однако прочным положение А.Е.Преснякова как историка в глазах властей всё же не было. “Своим” в кругу историков-марксистов он так и не стал.

Показательна в этой связи неуклюжая реакция на его смерть редакции журнала “Историк-марксист”. Срочно поместив в готовившийся номер крат-

⁸ Там же. С.251-275.

⁹ Чирков С.В. Обзор архивного фонда А.Е.Преснякова // АЕ за 1970 год. М., 1971. С.313.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.9403. Л.133.

¹¹ Артизов А.Н. Болезнь и кончина А.Е.Преснякова // Вопросы истории. 1996, №5-6. С.159.

¹² ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.9403. Л.131.

¹³ Там же. Л.131об.

кое сообщение о смерти А.Е.Преснякова и его фотографию в траурной рамке, редакция воздержалась, однако, от обычного некролога, пообещав его в следующем номере¹⁴, но обещания своего так и не выполнила. Понять это можно. И месяца не прошло со дня смерти “крупного историка-марксиста”, как началось так называемое “Академическое дело”, в ходе раскручивания которого за решёткой оказались не только “дорогой учитель” С.Ф.Платонов, но и ближайшие друзья, коллеги и ученики покойного¹⁵.

Пропагандистские заявления историков-марксистов о “почти что нашем” А.Е.Преснякове и суровые реалии тогдашней советской историографии — вещи всё-таки разные. И они, эти реалии, ясно указывают на то, что как учёный А.Е.Пресняков состоялся всё-таки в дореволюционные годы и как ни податлив оказался он по отношению к марксизму в 1920-е годы, марксистом он так и не стал, да и едва ли мог им стать, поскольку подавался, или, вернее, навязывался “марксистский метод” в одном-единственном варианте, представленном школой М.Н.Покровского, вульгарно-социологические и антинациональные установки которой были неприемлемы для представителей буржуазной историографии, можно сказать, в принципе. Об острокритических замечаниях А.Е.Преснякова в его записной книжке начала 1920-х годов на “Русскую историю в самом сжатом очерке” М.Н.Покровского¹⁶ речь уже шла. На невозможность принятия марксизма в исторической науке в том вульгаризаторском виде, в каком его преподносил М.Н.Покровский, указывал в 1930 году в своих показаниях в ОГПУ и С.Ф.Платонов¹⁷.

Как это ни парадоксально, но получается, что внедрению марксизма в историческую науку мешали, главным образом и прежде всего ... сами историки-марксисты во главе с М.Н.Покровским, воинствующий, деструктивный характер деятельности которых на историческом фронте 1920-х годов не только отпугивал от сближения с ними старую профессуру, но собственно, и подвинул в конце концов власть на силовой вариант решения этой проблемы. Иначе говоря, понадобился правительственный “хлыст”¹⁸ (“Академическое дело”, ссылки и лагеря), прежде чем буржуазные историки “осознали”, наконец, все преимущества “овладения марксизмом” и применения его постулатов в своих конкретно-исторических исследованиях.

---

¹⁴ Историк-марксист. Т.13. М., 1929. С.269.

¹⁵ Брачев В.С. “Дело историков” (1929-1931). Издание 2. СПб., 1998. С.69-95.

¹⁶ Чирков С.В. Обзор архивного фонда А.Е.Преснякова // АЕ за 1970 год. М., 1971. С.314.

¹⁷ Академическое дело 1929-1931 гг. Т.1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993. С.60-61.

¹⁸ Против механистических тенденций в исторической науке. М., 1930. С.7.

Заключение

Приведённый в данной работе материал опровергает, как представляется, все попытки жёсткого противопоставления “прогрессивного” А.Е.Преснякова “консервативному” С.Ф.Платонову (М.Б.Свердлов¹). В то же время нельзя согласиться и с возведением его в ранг “заслуженного лидера” некоего “нового направления” в петербургской исторической школе, характерной особенностью которого, в отличие от платоновской школы являлась, якобы, склонность его адептов к разработке проблем нового периода русской истории и к “обобщениям аналитического характера” (Б.В.Ананьич²).

Несмотря на то, что М.Б.Свердлов и Б.В.Ананьич подходят к проблеме вроде бы с разных сторон, результат у них получается всё-таки один — отрыв А.Е.Преснякова от С.Ф.Платонова и традиций петербургской университетской исторической школы. Согласиться с этим нельзя. Несмотря на действительно имевшуюся у него склонность к обобщениям аналитического характера и не всегда однозначные отношения с С.Ф.Платоновым, не следует забывать, что основные научные достижения А.Е.Преснякова приходятся не на 1920-е годы, а на дореволюционный период его творчества, и связаны они с неуклонным следованием им в своих магистерской и докторской диссертациях традициям университетской исторической школы. Именно этими сугубо научными достижениями, а отнюдь не своими прогрессивными взглядами и, тем более, намечавшимся в 1920-е годы сближением с марксизмом интересен и велик для нас сегодня русский историк А.Е.Пресняков.

---

¹ Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993. С.514-515.

² Ананьич Б.В. Петербургская историческая школа // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. Сб. статей. Под ред. А.Н.Сахарова. М., 1996. С.612.

Приложение
В.С.Брачев. А.Е.Пресняков, С.Ф.Платонов
и петербургская историческая школа.
Ответ М.Б.Свердлову (1996)

В конце 1995 года в С.-Петербурге, в издательстве малотиражной научной и научно-популярной литературы за счет авторов “Минерва”, вышла в свет брошюра М.Б.Свердлова “О “петербургской школе историков”, корректности историографического анализа и рецензии В.С.Брачева” (29 с.). Как видно уже из названия брошюры, это его развернутый ответ на рецензию автора этих строк (журнал “Отечественная история”, 1995, №3) в связи с подготовленной М.Б.Свердловым публикацией “Княжого права в Древней Руси” и первой части “Лекций по русской истории” А.Е.Преснякова (М., 1993).

Само по себе появление брошюры возражений, конечно, вызвать не может. Но вот содержание ее, прямо скажем, озадачивает. Никаких, даже самых маленьких, изъянов в подготовленной им публикации и помещенных в качестве приложения к текстам А.Е.Преснякова, двух своих очерках: “А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество” и “Проблемы изучения Древней Руси в творчестве А.Е.Преснякова”, М.Б.Свердлов решительно не признает. “Историографический анализ В.С.Брачева некорректен и целенаправлен”, — заявляет он здесь¹. В.С.Брачев “не понял и неточно излагает” суть концепции А.Е.Преснякова, “тенденциозно” характеризует его, М.Б.Свердлова, “работы” (с.3). Он, оказывается, “подкладывает” в своем изложении “чуждые рецензируемому тексту слова и мысли” (с.7), “дезориентирует своих читателей” (с.13, 17) и даже (последнее обвинение сформулировано, правда, в косвенной форме) обнаруживает “приверженность к давним схемам” и “консервативное сопротивление новому” (с.26).

В чем же причина столь предвзятого, по мнению М.Б.Свердлова, отношения к его работам со стороны рецензента? М.Б.Свердлов не хочет скрывать этого. “На факультете социальных наук Педагогического государственного университета им. А.И.Герцена, — доверительно сообщает он читателю, — ... М.Б.Свердлов и В.С.Брачев читают лекции и ведут практические занятия...” (с.26). Вот, оказывается, в чем дело: М.Б.Свердлов — жертва недобросовестности своего коллеги. Только и всего.

¹ Свердлов М.Б. О “петербургской школе историков”, корректности историографического анализа и рецензии В.С.Брачева. СПб., 1995. С.1. (В дальнейшем все ссылки на страницы этой работы см. в тексте).

Это, признаться, и побудило автора этих строк взяться “за перо”, чтобы публично протестовать против столь своеобразной реакции М.Б.Свердлова на критику. Но не менее важно и другое: спорность оценок М.Б.Свердлова в отношении “школы” С.Ф.Платонова, творчества А.Е.Преснякова и “противоборства” историков в 1920-е годы настолько очевидна, что ограничиться только одним протестом мало. Необходимо вновь вернуться к предмету спора. И начать, как представляется, уместнее всего с источниковой базы историографических очерков М.Б.Свердлова. Конечно, хорошо, что при их написании он широко использовал материалы личного фонда А.Е.Преснякова (Архив СПб. ФИРИ РАН. Ф.193). Но ведь имеются и в других архивах документы, связанные с жизнью и научной деятельностью А.Е.Преснякова. Особый интерес в этом отношении представляют подлинники писем А.Е.Преснякова к С.Ф.Платонову (ОР РНБ. Ф.585) и личное университетское дело А.Е.Преснякова (ЦГИА СПб. Ф.14, оп.1, ед. хр. 9403). Последнее, в частности, содержит в себе обширнейшую документацию по административной и научной карьере ученого, начиная с момента его зачисления в университет, и кончая похоронами. Отложились в этом деле и материалы, связанные с защитой А.Е.Пресняковым магистерской диссертации (есть и отзывы официальных оппонентов). Но внимание М.Б.Свердлова этот источник почему-то не привлек, что и привело к грубой ошибке: вместо 1918 года дата защиты А.Е.Пресняковым диссертации была отнесена им к 1920 году. Теперь М.Б.Свердлов утверждает, что речь идет об *“ошибочном исправлении первоначального текста”* (с.25). Пусть так, но ведь само архивное дело А.Е.Преснякова и отзывы С.Ф.Платонова о его диссертациях остались М.Б.Свердлову неизвестными. Донельзя обиженный за критику, М.Б.Свердлов пытается язвить. *“В данном случае, — пишет он, — для обоснования этого “сложнейшего” историографического факта В.С.Брачев обратился к архивным материалам”*. Причем слово “сложнейшего” М.Б.Свердлов берет в кавычки (с.25). Язвить тут, однако, нечего. К этим “архивным материалам” следовало бы обратиться ему самому.

Недостаточное знакомство с архивными материалами, относящимися к биографии А.Е.Преснякова, приводит к тому, что М.Б.Свердлов вынужден уходить от конкретики. Особенно это заметно, когда речь идет о хронологии: дальше общего указания на год, когда произошло описываемое событие, М.Б.Свердлов, как правило, не идет. Однако, и здесь он не сумел избежать ошибок. Так, М.Б.Свердлов утверждает, что в 1908 году², то есть еще до защиты магистерской диссертации, А.Е.Пресняков был избран *“профессором на Высших женских курсах”*, что маловероятно. Ссылок на источник М.Б.Свердлов не дает. Сомнения на этот счет могло бы развеять личное дело А.Е.Преснякова в фонде ВЖК. Но до него у М.Б.Свердлова руки не дошли. Автор этих строк тоже не стал обращаться к ар-

---

²Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество. В кн.: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С.532-533. (В дальнейшем все ссылки на страницы этой работы см. в тексте).

живам по этому конкретному факту биографии А.Е.Преснякова. Но вот относительно другого сомнительного утверждения М.Б.Свердлова, что еще в 1914 году, т.е. не защитив докторской диссертации, А.Е.Пресняков *“становится профессором Петербургского университета”* (с.533), он не поленился, навел справки. Профессором Петроградского университета А.Е.Пресняков, как оказалось, стал только 10 октября 1918 года³. Пытаясь дезавуировать критические замечания в адрес его очерка “Проблемы изучения Древней Руси в творчестве А.Е.Преснякова”, М.Б.Свердлов обвиняет рецензента в отсутствии профессионализма и тенденциозности (с.3) В.С.Брачев, отмечает он, *“не понял и неточно изложил”* суть концепции “княжого права” А.Е.Преснякова, а это-де и стало причиной тенденциозной характеристики им его, М.Б.Свердлова, историографического очерка. Ошибка рецензента, уверяет М.Б.Свердлов читателя, состоит в том, что “княжое право” интерпретировано его оппонентом во властно-политических правах князя “по версии” государственной школы в то время, как на самом деле концепция княжого права решена А.Е.Пресняковым *“в круге идей теории феодализма, понимаемого как “союз защиты””* (с.3). Однако достаточно обратиться к тексту рецензии, чтобы убедиться, что это не так. У В.С.Брачева речь идет не об интерпретации “княжого права”, а констатации того факта, что *“не только до революции, но и в последующие годы как историк А.Е.Пресняков продолжал стоять на позициях государственной школы”*⁴, с чем вынужден согласиться и М.Б.Свердлов: применительно к освещению А.Е.Пресняковым истории Московского государства *“влияние государственной школы очевидно”*, — пишет он (с.5).

Дело тут не в том, что В.С.Брачев “не понял” А.Е.Преснякова, а в самом М.Б.Свердлове: из тех проблем древнерусской истории, которые нашли отражение в творчестве А.Е.Преснякова, его влечет “одна, но пламенная страсть”: проблема феодализма. Собственно, с нее и начинается очерк М.Б.Свердлова. Упомянув “для порядка” о постановке в русской историографии XVIII века “норманнской проблемы” (с.552), уже буквально со второй страницы (в книге это с.558) М.Б.Свердлов садится на своего “любимого конька” — историография “теории феодализма в России”: вклад в разработку этой теории И.Н.Болтина (с.556), П.И.Пестеля (с.557), Н.И.Костомарова (с.558), С.М.Соловьева (с.559), К.Д.Кавелина (с.560), Б.Н.Чичерина (с.561), Ф.И.Леонтовича (с.562), В.О.Ключевского (с.563) и, конечно же, Н.П.Павлова-Сильванского. Ему, а также его взаимоотношениям с А.Е.Пресняковым посвящено целых семь страниц (с.564-570). И уж, конечно, не оставил без внимания М.Б.Свердлов неопубликованную работу А.Е.Преснякова “Феодализм в России”, обнаруженную им в Архиве СПб. ФИРИ РАН (с.582-585). Даже согласившись с предложенной М.Б.Свердловым интерпретацией “княжого права” А.Е.Преснякова в смысле “трансформированной идеи феодального строя, понимаемого как “союз

³ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Ед. хр. 9403. Л.33.

⁴ Отечественная история. 1995. №3. С.199.

защиты”, (с.3), признать оправданным его столь резкий крен в историографию XVIII-XX вв. никак нельзя. Ведь помимо теории феодализма, не меньшим вниманием А.Е.Преснякова, в чем не трудно убедиться, обратившись к тексту его “Лекций”, пользовались и другие проблемы истории Древней Руси. Увлечшись историографией теории феодализма, М.Б.Свердлов как-то забывает об этом. Во всяком случае, историографическому анализу (назовем это так!) проблем политической истории Киевской Руси в “Лекциях” А.Е.Преснякова, им посвящено всего несколько страниц (с.378-380) и дальше беглых замечаний о “ценных экскурсах” А.Е.Преснякова в проблему крещения Руси, его наблюдениях над Русской Правдой и критическом отношении ученого к ходячим в то время представлениям о Киевской Руси, М.Б.Свердлов не идет.

Явное несоответствие содержания очерка заявленной в его названии теме — “Проблемы изучения Древней Руси в творчестве А.Е.Преснякова” подводит нас к, в общем-то, логичному в создавшейся ситуации выводу, что готовился этот текст, конечно же, не для публикации его в качестве приложения к “Княжому праву” и “Лекциям” А.Е.Преснякова. Зная же о давно подготовленной М.Б.Свердловым монографии, посвященной историографии феодализма в Древней Руси (в настоящее время под названием “Общественный строй Древней Руси. Десять лекций по русской историографии XVIII-XX вв.” 352 с.), она объявлена в печати издательством “Дмитрий Буланин” в С.-Петербурге⁵, с большой долей вероятности можно предположить, что обширные выдержки из нее как раз и составили содержание его очерка “Проблемы изучения Древней Руси в творчестве А.Е.Преснякова”. Если это так, то особое пристрастие М.Б.Свердлова к историографической судьбе концепции феодализма на Руси в ущерб проблемам ее политической истории, получает исчерпывающее объяснение.

К сожалению, и в новой своей работе М.Б.Свердлов повторил бездоказательные обвинения против С.Ф.Платонова, который якобы в некрологе памяти А.Е.Преснякова позволил себе *“недоброжелательную и несправедливую критику”* в его адрес (с.515). Речь идет о вырванной М.Б.Свердловым из общего контекста некролога фразы о том, что *“некоторые части своего общего курса”* А.Е.Пресняков напечатал *“в виде очерков”*. *“Для А.Е.Преснякова, — пишет, настаивая на своей правоте, М.Б.Свердлов, — публикуемая работа являлась самостоятельным исследованием, сюжетно и по идеям, связанным, разумеется, с лекционным курсом. Такой книгой было как показано ранее “Княжое право””* (с.18). Но все дело-то как раз и заключается в том, что никакого отношения к “Княжому праву”, как, впрочем, и другим исследовательским книгам и статьям А.Е.Преснякова, реплика С.Ф.Платонова не имеет. Она целиком и полностью относится к его работам, не входящим в основной, приведенный в некрологе, перечень трудов А.Е.Преснякова. *“Кроме того, — добавляет С.Ф.Платонов, — А.Е.Пресняков напечатал некото-*

⁵ Книги издательства “Дмитрий Буланин”. Каталог-проспект. СПб., 1995. С.13.

рые части своего общего курса в виде очерков: "Московское государство в первой половине XVII в." (в издании "Три века". Т.1. М., 1912), "Царь Михаил Федорович" и "Власть и население при царе Алексее" (в издании "Государи из дома Романовых". Т.1. М., 1913) и более мелкие статьи⁶. Как видим, замечание С.Ф.Платонова относится только к участию А.Е.Преснякова в научно-популярных изданиях юбилейного характера "Три века" и "Государи из дома Романовых". Но и по отношению к этим конкретным очеркам А.Е.Преснякова, связь которых с его лекционным курсом М.Б.Свердловым не изучена, С.Ф.Платонов нигде не говорит о них, как не имеющих научной цены. Он лишь констатирует известный ему факт. Что же касается заявления М.Б.Свердлова, что "все опубликованные работы" А.Е.Преснякова "являлись результатом специальных научных исследований" (с.515), то оно голословно. Ведь обстоятельного историографического исследования текста не то что всех, но хотя бы подготовленных им к печати всего двух работ — "Княжое право" и "Лекции по русской истории" М.Б.Свердлов, как мы только что убедились, не провел, подменив его рассказом об историографической судьбе теории феодализма в России. Откуда же тогда такая уверенность?

В своей брошюре М.Б.Свердлов буквально восстает против наметившейся в последние годы тенденции непредвзятого, без оглядки на сложившиеся стереотипы, объективного освещения развития отечественной историографии XX века и той роли, которую играли в развернувшейся в 1920-е годы борьбе между "историками-марксистами" во главе с М.Н.Покровским и старой профессией, С.Ф.Платонов и его "школа"⁷. Никакой борьбы, утверждает в связи с этим М.Б.Свердлов, не было, и упрекает своих оппонентов в упрощении историографического процесса и "эксплуатации Покровского" (с.10). Что касается "школы" С.Ф.Платонова, которую М.Б.Свердлов называет не иначе как "платоновским кружком" (с.22), то ее существования он решительно не признает. Заявки М.Б.Свердлова, как видим, серьезные, и требуют специального рассмотрения. Однако, прежде всего необходимо остановиться на характере "петербургской исторической школы", поскольку М.Б.Свердлов упрекает рецензента в том, что тот, якобы ошибочно, отождествляет ее со "школой" С.Ф.Платонова (с.6, 8).

О времени возникновения этой "школы" нет единого мнения. С.Н.Валк относил его к началу 1850-х и связывал ее с научно-педагогической деятельностью М.С.Куторги⁸. П.Н.Милюков, напротив, основоположником этого "направления" считал К.Н.Бестужева-Рюмина. "Ученое творчество", отмечал он, характеризуя особенности преподавания русской истории в С.-Петербургском университете в 1870-1880-е годы, отступает в нем "на задний план перед остротным эклектизмом: критика источников получает перевес над пользова-

⁶ Платонов С.Ф. А.Е.Пресняков. [Некролог] // Известия АН СССР. Сер. VII. 1930. №2. С.84.

⁷ Брачев В.С. Сергей Федорович Платонов // Отечественная история. 1993. №1. С.123.

⁸ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1948. С.15. 40.

нием ими". Впрочем, уже в 1890-е годы молодое поколение петербургских историков (С.Ф.Платонов, С.М.Середонин, С.В.Рождественский) стремилось, по его мнению, "согласить это направление учителей с более реальным направлением Московского университета"⁹. Особую позицию в этом вопросе занимал А.Е.Пресняков, выдвигавший в качестве основоположника "школы" В.Г.Васильевского¹⁰. Среди представителей петербургской исторической школы такие выдающиеся ученые-специалисты по русской и всеобщей истории как М.С.Куторга, Ф.Ф.Соколов, К.Н.Бестужев-Рюмин, В.Г.Васильевский, Е.Ф.Шмурло, С.Ф.Платонов, Н.Д.Чечулин, А.С.Лаппо-Данилевский, А.А.Шахматов, А.Е.Пресняков, С.В.Рождественский, В.Г.Дружинин, М.Д.Приселков, И.М.Гревс, С.А.Жебелев, В.Н.Бенешевич, О.А.Добиаш-Рождественская, А.И.Андреев, С.Н.Валк, Б.А.Романов и др. Даже беглого взгляда на этот перечень светил русской исторической науки достаточно, чтобы убедиться: к единой исторической школе, в основе которой лежала бы определенная историческая концепция или схема ("школа" В.О.Ключевского в Москве), столь разных по своим научным интересам людей можно относить только очень и очень условно в смысле отражения в их творчестве определенной научной традиции, известной в литературе как традиция "научного реализма". Речь идет о характерной для петербургских историков приверженности к источниковедческим аспектам исследования, их особом, можно даже сказать, бережном отношении к историческому источнику, историографическому воспроизведению факта, анализу элементов явления, детально-фактическому, критическому изложению описываемых событий. Этим петербургская университетская научная традиция принципиально отличалась, по крайней мере, во второй половине XIX века от традиции московских историков — строителей исторических схем, источнику и факту в построениях которых отводилось далеко не первое место. Ко второй половине XIX века относится и формирование в Петербургском университете двух "главнейших исторических школ" — (С.Н.Валк) — Ф.Ф.Соколова (история античности) и В.Г.Васильевского (византиноведения). И тот, и другой не создали каких-либо общих теорий, не дали они и обобщающих трудов. В основе их "школ" лежали не общен исторические построения и представления, а, как подчеркивал С.Н.Валк, *"та критическая историография, которая вопрос о составе и приемах изучения источников считает основой в деятельности ученого историка-исследователя"*¹¹.

Для полноценной научной школы, в основе которой определенная историографическая концепция или схема, этого мало. Но в обыденном, рабочем значении этого слова как обозначения научной и человеческой близости профессора и его учеников о "школах" Ф.Ф.Соколова и В.Г.Васильевского говорить, конечно, можно. Такой же, по существу, условный характер, имела и "школа русских историков" или "школа С.Ф.Платонова", хотя лучшие ее представители не только не

⁹ Милюков П.Н. Источники // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.55: С.444.

¹⁰ Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием "Образование Великоорусского государства" // ЛЗАК. Вып.30. Пг., 1920. С.7.

¹¹ Валк С.Н. Историческая наука... С.40.

чуждались “общих теорий”, но и внесли в их развитие немалый вклад (концепция Смуты С.Ф.Платонова, теория русского феодализма Н.П.Павлова-Сильванского, теория “княжого права” А.Е.Преснякова). Собственно говоря, это был последний, высший этап, своего рода вершина в развитии “петербургской исторической школы” как таковой. Зародилась “школа С.Ф.Платонова” еще в 1890-е годы. Окончательное же ее становление, как полагал А.Е.Пресняков¹² и С.Н.Валк, судя по всему, был с ним согласен¹³, произошло незадолго до 1917 года. Конечно, учеников имели не только Ф.Ф.Соколов, В.Г.Васильевский и С.Ф.Платонов. Были они и у других профессоров, в том числе и у А.С.Лаппо-Данилевского и Г.В.Форстена. Однако развиться в научные школы их кружки не смогли. Что же касается “школы” С.Ф.Платонова и ее отношения к “петербургской исторической школе”, то вопрос этот еще в 1918 году вполне разъяснен А.Е.Пресняковым. *“Иное направление (отличное от московского — Б.В.), — заявил он, — дала своим питомцам петроградская историческая школа — школа В.Г.Васильевского, органической ветвью которой стала и наша школа русских историков, воспитанных в аудитории С.Ф.Платонова. Я определил бы ее характерную черту как научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции”*¹⁴. Как видим, “школа русских историков” или “школа С.Ф.Платонова” — это тоже “петербургская историческая школа”, хотя и не вся. Так что ирония М.Б.Свердлова по поводу того, что рецензент якобы путает первую со второй едва ли уместна.

Недоумение вызывает и поистине “ритуальный танец” М.Б.Свердлова вокруг *“петербургской школы историков во главе с И.Я.Фрояновым”*. Натолкнувшись в рецензии на это выражение (хотя, казалось бы ясно, что речь идет об учениках и последователях известного ученого), М.Б.Свердлов пускается в пространнейшие рассуждения по этому поводу. *“Понятие “петербургской школы историков” значительно шире, чем “школа Платонова” или группа исследователей “во главе с И.Я.Фрояновым”*”, — глубококомысленно изрекает он. *“С другой стороны необоснованно, — по его мнению, — использование понятия “школа” для ограниченного числа учеников И.Я.Фроянова” ... а также тех “профессоров и преподавателей”, исторического факультета С.-Петербургского университета, которые “поддержали идеи И.Я.Фроянова об общественном строе Древней Руси, о “сходстве” древнегреческих полисов и “городов-государств” Киевской Руси” (с.6). “Употребление В.С.Брачевым понятия “петербургская школа историков” в таком смысле снижает его до обозначения группы историков, живущих в Петербурге. В этом противопоставлении “петербургской школы историков”, во главе которой стоит И.Я.Фроянов, петербуржца (последнее добавляем от себя) М.Б.Свердлова, полемизирующего с этой школой, целенаправленный эффект достигается*

¹² Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации... С.7.

¹³ Валк С.Н. Историческая наука... С.57. 58.

¹⁴ Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации... С.7.

без труда" (с.6). Далее следует "мошный" выпад против И.Я.Фроянова. М.Б.Свердлов "уличает" его в ссылках на В.И.Ленина и Ф.Энгельса (с.7).

В этом пассаже весь М.Б.Свердлов-полемист. Опытным глазом "бывало-го" историка профессор пытается нащупать "слабые" места в тексте рецензента. По-своему, в нужном ему духе, истолковывает их, после чего изящно рушит им же построенную "гнилую" конструкцию. В данном случае это ему понадобилось, чтобы "ущипнуть" И.Я.Фроянова, в других — из-за желания "поставить на место" своего оппонента.

Что касается школы С.Ф.Платонова, которую он, как уже отмечалось, не признает, то здесь усилия М.Б.Свердлова направлены на то, чтобы оторвать от нее А.Е.Преснякова, самого талантливого из всех учеников Сергея Федоровича. Вопреки ясному указанию самого ученого, что "по научной школе" он "ученик В.Г.Васильевского" (к числу своих учителей относил его и С.Ф.Платонов — Б.В.) и, ближайшим образом, С.Ф.Платонова"¹⁵, М.Б.Свердлов де-завуирует этот факт, пропуская вперед в качестве учителей А.Е.Преснякова Г.В.Форстена и А.С.Лаппо-Данилевского. Основной аргумент М.Б.Свердлова — выдержки из писем А.Е.Преснякова конца 1890-х годов к матери, отражающие его увлеченность *"тщательностью и глубиной современного анализа"* Г.В.Форстена и философским мышлением А.С.Лаппо-Данилевского. *"Учеником Платонова в настоящем смысле слова я не могу быть"*, — приводит М.Б.Свердлов слова А.Е.Преснякова от 11 октября 1899 года (с.19). Однако, из дальнейшего текста письма видно, что поводом для этого заявления А.Е.Преснякова явилось недовольство консервативной, как тогда ему, по крайней мере, казалось, атмосферой платоновского кружка. *"Его взгляды — университетские и общественные, отливаются отчетливо в систему — а это не наши взгляды, его симпатии не наши"*, — отмечал А.Е.Пресняков. (с.20). То, что М.Б.Свердлов документально устанавливает идейные расхождения А.Е.Преснякова с С.Ф.Платоновым в конце 1890-х годов, это, конечно, важно, спору нет. Спорно и вызывает удивление другое: самого факта идейных расхождений А.Е.Преснякова с С.Ф.Платоновым вполне достаточно, чтобы убедить М.Б.Свердлова, что о серьезном научном влиянии С.Ф.Платонова на своего ученика, не говоря уже о принадлежности к его "школе", не может быть и речи.

М.Б.Свердлову словно бы и невдомек, что научная близость историков, их принадлежность к определенной школе или направлению устанавливается не на основе субъективных личных признаний или умолчаний, а путем тщательного сопоставления опубликованных ими научных текстов. Всякая другая постановка вопроса (приходится повторить здесь любимое выражение М.Б.Свердлова) "историографически некорректна". Докажи М.Б.Свердлов путем текстологического анализа университетских лекций А.Е.Преснякова и С.Ф.Платонова их принципиальные расхождения в оценке общественно-поли-

¹⁵ Валк С.Н. Историческая наука... С.31.

тического строя Киевской Руси, удельного периода, опричнины или Смутного времени и все вопросы, как говорится, были бы сняты. Но М.Б.Свердлов делать этого не хочет, видимо, понимая, что результат едва ли подтвердит его выводы. Станным в этой связи выглядит упрек М.Б.Свердлова автору этих строк, что он-де “не раскрыл” в должной мере результатов своего “беглого сопоставления” лекционных курсов С.Ф.Платонова и А.Е.Преснякова. Позвольте, профессор, при чем здесь рецензент? Проведение такого сопоставления не его, а именно Ваша прямая обязанность, коли уж Вы взялись за разработку этой темы и претендуете на “корректность историографического исследования”. Автор этих строк действительно “бегло” просмотрел оба лекционных курса и пришел к выводу, что несмотря на идейные разногласия (обстоятельно, впрочем, никем так и не изученные) в научном плане: как в общей оценке характера русского исторического процесса, так и в освещении отдельных крупных проблем отечественной истории, А.Е.Пресняков всецело следовал С.Ф.Платонову, или, во всяком случае, не расходился с ним. Так устанавливает он принадлежность А.Е.Преснякова к “школе” С.Ф.Платонова. Но у М.Б.Свердлова другие представления о задачах историографического исследования. Проблему научной “школы” он незаметно переводит совсем в иное русло, предпочитая решать ее не на основе учебных курсов и монографий ученых, а путем раскрытия содержания их “творческих связей”, “сложных творческих отношений”.

“В науке, — наставительно сообщает М.Б.Свердлов, — повторяют “учителя” не “ученики”, а “школяры”. Их объединяют, по его мнению, “единство творческого метода и исследовательской техники” (с.17). Руководствуясь этим критерием, М.Б.Свердлов приходит к выводу, что идеи А.Е.Преснякова были “значительно шире”, чем идеи его учителя С.Ф.Платонова, “органично включая достижения других направлений, частично совпадая с традицией С.Ф.Платонова, что вело к созданию новой научной школы”. Что это была за “школа”, не приходится долго гадать. Конечно же, это была “школа” А.Е.Преснякова, характерной чертой которой было, по мнению М.Б.Свердлова, “органическое соединение анализа исторических фактов, источниковедения и обобщающих, основанных на этом анализе, концепций, что было продолжено его учениками” (с.22).

Не делает М.Б.Свердлов секрета и относительно состава “школы”. Это Б.А.Романов, С.Н.Валк, П.Г.Любомиров, С.Н.Чернов, Н.Ф.Лавров и другие участники университетских семинаров¹⁶ А.Е.Преснякова, являющиеся, добавим от себя, в то же время и учениками С.Ф.Платонова, С.В.Рождественского и А.С.Лаппо-Данилевского. Важен, конечно, не сам факт “открытия” М.Б.Свердловым новой “исследовательской школы” в русской исторической науке. При неопределенности критериев это, как говорится, дело вкуса. Проблема в другом. Уже сама постановка вопроса, что еще при жизни С.Ф.Платонова у одного из его учеников сформировалась собственная научная школа, несомнен-

¹⁶Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков... С.514, 532.

но, умаляет значение “платоновского кружка”. А это, судя по всему, и являлось целью М.Б.Свердлова. Во всяком случае, чем еще, кроме предвзятости, можно объяснить острое неприятие М.Б.Свердловым вывода автора этих строк о выдвигании С.Ф.Платонова в 1920-е годы на роль фактического лидера старой “буржуазной” историографии в ее противостоянии с набиравшей год от года силы, историографией “марксистской” в лице М.Н.Покровского и его “школы”. В действительности, заявляет М.Б.Свердлов, “старые” ученые, “академическая” и “университетская молодежь” относились к различным общественно-политическим исследовательским направлениям, группировались вокруг многих учителей.. *“Вероятно, В.С.Брачев, — делает предположение М.Б.Свердлов, — принял версию ОГПУ, которое “сплотило” вокруг С.Ф.Платонова “старую” профессуру и не только в так называемом “Академическом деле””* (с.9). На самом деле, и М.Б.Свердлову стоило бы это знать, версия о “сплочении” вокруг С.Ф.Платонова после 1917 года “буржуазных историков” принадлежит совсем не ОГПУ (у чекистов, как можно убедиться из опубликованных документов, в ходу были совсем другие версии)¹⁷, — а самим историкам¹⁸, причем не только “марксистам”. Вот что заявил, например, на допросе в ОГПУ от 16 сентября 1930 года арестованный за “причастность” к делу С.Ф.Платонова московский историк М.Н.Тихомиров: *“Я считаю, что в исторической мысли существуют два основных течения. Первое — ортодоксально-марксистское, возглавляемое Обществом историков-марксистов, и второе — старое историческое течение, представителями которого являются М.К.Любавский, Ю.В.Готье и также умерший М.М.Богословский”*¹⁹. И хотя в своих показаниях М.Н.Тихомиров говорил только о московских историках (если бы речь шла о Ленинграде, то, естественно, у него фигурировали бы совсем другие фамилии), суть дела ясна: основная линия развития русской историографии 1920-х годов определялась все же не стремлением самих историков овладеть марксизмом, чтобы *“вырваться из описательности и случайных аналогий”*, как думает М.Б.Свердлов, а борьбой историков-марксистов “школы” М.Н.Покровского со “старым историческим течением”. Что же касается выдвигания С.Ф.Платонова в 1920-е годы на роль фактического лидера “буржуазной” историографии, чего так не хочет признавать М.Б.Свердлов, то имеющиеся в нашем распоряжении факты и оценки не оставляют в этом никакого сомнения. Сошлемся хотя бы на работу С.О.Шмидта²⁰, заподозрить которого в “некорректности историографического исследования” М.Б.Свердлов вряд ли решится. Противоборство старой профессуры и идущей ей на

¹⁷ Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. I. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993. С.59-66.

¹⁸ Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. М.—Л., 1931. С.68, 99.

¹⁹ Панях В.Н. М.Н.Тихомиров в “Академическом деле 1930 г.” // Археографический ежегодник за 1993 г. М., 1995. С.37.

²⁰ Шмидт С.О. Доклад С.Ф.Платонова о Н.М.Карамзине 1926 г. и противоборство историков // Археографический ежегодник за 1992 г. М., 1994. С.61, 62.

смену когорты историков-марксистов, как, впрочем, и особая роль, которая принадлежала в этом противоборстве, или, если угодно, борьбе, противостоянию между С.Ф.Платоновым и М.Н.Покровским — это не “крайнее упрощение научного процесса”, как пытается представить дело М.Б.Свердлов (с.9), а реальный историографический факт. Вопреки настойчивым попыткам М.Б.Свердлова растащить, разбросать “школу” С.Ф.Платонова по кружкам и семинарам Г.В.ФОРстена, А.А.Шахматова, А.С.Лаппо-Данилевского и А.Е.Преснякова, обращение к фактической стороне дела дает совсем другую картину. Вот какую зарисовку платоновских “сред” предреволюционного времени оставил в своих воспоминаниях Г.В.Вернадский. Первую группу среди посетителей составляли “бывшие ученики” С.Ф.Платонова — его коллеги по университету и другим учебным заведениям Петербурга С.В.Рождественский, А.Е.Пресняков, М.А.Полиевктов, П.Г.Васенко. Вторую — “более молодые ученики”, еще не получившие магистерской степени, среди которых он называет А.И.Андреева, С.Н.Валка, А.А.Введенского (все трое — участники кружка А.С.Лаппо-Данилевского), А.И.Заозерского, П.Г.Любомирова, Б.А.Романова и В.В.Саханеева²¹. Другими словами, посещение некоторыми из них других кружков и подверженность иным влияниям, ничуть не мешала им в то же время живо ощущать и свою принадлежность к платоновской “школе”.

Не одно поколение университетских историков прошло, по словам С.Н.Валка, “через аудиторию С.Ф.Платонова, который единолично читал общий курс русской истории во всем его объеме в течение 25 лет... Многие прошли через семинарские занятия С.Ф.Платонова. Один С.Ф.Платонов имел право сделать представление об оставлении при университете и он, — отмечает в связи с этим С.Н.Валк, — выдвинул ряд выдающихся исследователей русской истории последующего поколения”²². Среди воспитанных С.Ф.Платоновым за годы своего руководства кафедрой в университете такие первоклассные ученые, как С.В.Рождественский, А.Е.Пресняков, Н.П.Павлов-Сильванский, П.Г.Васенко, Б.А.Романов, П.Г.Любомиров, А.И.Заозерский, М.А.Полиевктов, С.Н.Чернов. У многих из них, в свою очередь, также появились со временем свои ученики, любовно называемые в узком платоновском кругу его “внуками”. Как ни велико было, однако, влияние С.Ф.Платонова среди историков, следует все же иметь в виду, что применительно к дореволюционным годам, когда живы были академики М.А.Дьяконов, А.С.Лаппо-Данилевский и А.А.Шахматов, говорить о его единоличном лидерстве даже среди “русских историков” С.-Петербурга говорить сложно. Другое дело — 1920-е годы.

Октябрь 1917 года, сотрудничество с большевиками, поставившее С.Ф.Платонова во главе Петроградского отделения Главархива, избрание его в 1920 году в Академию наук, где он также занял видное положение (Историико-археологическая комиссия, БАН, Пушкинский Дом), дружеские связи с лидером

²¹ Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. №1. С.138.

²² Валк С.Н. Историческая наука... С.52.

московских историков М.М.Богословским, которого он провел в 1921 году в Академию наук, в корне изменили ситуацию. С другой стороны, сошли в могилу в 1919-1920 гг. и недолго любившие его академики А.С.Лаппо-Данилевский, М.А.Дьяконов и А.А.Шахматов, а их ученики потянулись к С.Ф.Платонову. Это сразу же выдвинуло его в бесспорные лидеры петербургских историков. Едва ли случаен в этой связи следующий факт: правой рукой С.Ф.Платонова по Археографической комиссии становится с середины 1920-х годов ближайший ученик А.С.Лаппо-Данилевского — А.И.Андреев. Отстаиваемая в 1920-е годы С.Ф.Платоновым научная традиция объективного исторического исследования, скрупулезного документального анализа, конкретного, непредвзятого отношения к источнику и факту плохо вписывалась в новые советские реалии, вызывая ярость “историков-марксистов” и недовольство “верхов”. Сложные процессы происходят в это время и в самой “школе”. Уже к середине 1920-х годов из учеников С.В.Рождественского выделяется группа т.н. “историков-марксистов”: С.В.Вознесенский, А.А.Введенский, М.Н.Мартынов, М.М.Цвибак. На близких к ним позициях стоял в это время С.Н.Валк. А еще одного представителя платоновской школы С.Н.Чернова М.Н.Покровский и вовсе называл “прирожденным марксистом”²³. Их-то, очевидно, и имеет в виду М.Б.Свердлов, когда пишет, что не вся профессура и не вся академическая и университетская молодежь шли за С.Ф.Платоновым: были и такие, кто всерьез стремился овладеть марксизмом, (он мог бы, впрочем, упомянуть, что в 1931 году трое из них: М.М.Цвибак, М.Н.Мартынов, А.А.Введенский публично отреклись от своих учителей). Очевидно, что к концу 1920-х годов петербургская школа отечественной истории переживала далеко не лучшие времена. Смерть А.Е.Преснякова 30 сентября 1929 года и последовавшие вскоре аресты С.Ф.Платонова, его учеников и коллег (“дело” С.Ф.Платонова 1929-1931 гг.) положили конец ее существованию. Традиции “школы”, однако, не умерли. Ведь Б.Д.Греков, которого тоже, по большому счету, можно отнести к петербургской школе отечественной истории, М.Д.Приселков, С.Н.Валк, А.И.Андреев, Б.А.Романов и другие ее представители оставили после себя учеников. Некоторые из них активно работают в науке и в наши дни.

Сказанного, как представляется, достаточно, чтобы убедиться: критические замечания, высказанные нами в адрес М.Б.Свердлова естественная реакция специалиста на серьезные огрехи, представленных им вниманию читателей историографических очерков и очевидной спорности многих его суждений. Мнимая предвзятость, тенденциозность и целенаправленность, которые чудятся М.Б.Свердлову едва ли не в каждой фразе рецензента, здесь ни при чем, и все его намеки в этом плане работают, прежде всего, против него самого, наглядно демонстрируя научному сообществу уже не научные, а человеческие слабости профессора.

---

²³ Воспоминания Е.Н.Кушевой // Отечественная история. 1993. №4. С. 137.

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. Первые шаги в науке. Неудача с диссертацией о московских летописных сводах. А.Е.Пресняков и С.Ф.Платонов	6
Глава 2. Магистерская и докторская диссертации. Лекции по русской истории	27
Глава 3. А.Е.Пресняков на “историческом фронте” 1920-х годов	50
Глава 4. Болезнь и смерть	67
Заключение	71
Приложение. В.С.Брачев. А.Е.Пресняков, С.Ф.Платонов и петербургская историческая школа. Ответ М.Б.Свердлову (1996)	72

Брачев Виктор Степанович

Доктор исторических наук,
профессор кафедры русской истории
Санкт-Петербургского университета.

Автор более 50 работ

по истории России XIX – XX вв.,
в том числе монографий

“Русский историк С.Ф.Платонов” (1995, 1997),

“Петербургская Археографическая
комиссия 1834 –1929 гг.” (1997),

“Дело историков 1929 – 1931 гг.” (1997, 1998),

“Религиозно-мистические кружки
и ордена в России.

Первая треть XX века” (1997),

“Мастера политического сыска
дореволюционной России” (1998),

“Масоны и власть в России. XVIII – первая
четверть XIX вв.” (2000),

“Русское масонство XVIII – XX вв.” (2000),

“Русское масонство XX века” (2000),

“Заграничная агентура департамента
полиции (1883 – 1917)” (2001),

“Наша университетская школа русских
историков” и ее судьба (2001).